

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ВЫПУСК 2021

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЖИЗНЬ

ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР

прошлое в настоящем

ИСТОРИЯ БЕЗ КУПЮР
ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЖИЗНЬ
2021

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Вавилов, <i>Советник МИД России, кандидат исторических наук</i> Драма в Ташкенте	3
Олег Вишлёв, <i>Кандидат исторических наук</i> «Лев революции» в контексте «странной войны»	34
Наталья Беглова, <i>Писатель, журналист</i> Карамзин, или в Швейцарию нужно ездить набираться ума-разума	61
Константин Долгов, <i>Профессор, доктор философских наук</i> А.А.Зиновьев: жажда праведности	81
Алексей Подцероб, <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол России</i> Триполитанская республика	96
Александр Савойский, <i>Директор Центра устойчивого развития Института экономических стратегий РАН, кандидат политических наук</i> Михайло Васильевич Ломоносов и Америка	105

ДРАМА В ТАШКЕНТЕ

Андрей Вавилов

В ТАШКЕНТЕ, столице Узбекской Советской Социалистической Республики, в ночь с 10 на 11 января 1966 года (точнее в 1.32 утра), скорпостижно скончался премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри.

Таков был неожиданный трагичный финал труднейшей, но успешной международной конференции, созванной по инициативе СССР. Смерть настигла Шастри в отведенной ему загородной резиденции на территории правительственного дома отдыха «Дурмень» под Ташкентом. За несколько часов до этого он и президент Пакистана фельдмаршал Мохаммед Айюб Хан в торжественной обстановке, в присутствии мировой прессы подписали Ташкентскую Декларацию, положившую конец кровопролитному военному конфликту между двумя странами. Оба врага, без улыбок, с серьезными лицами, приняли итог советского посредничества, осуществленного Председателем Совета Министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным.

Настолько внезапной и загадочной была смерть индийского премьера, что сразу появилась версия о его убийстве, об отравлении его пакистанцами. Слухи об этом не утихают до сих пор. Как же все было на самом деле? Я присутствовал на Ташкентской конференции в качестве переводчика, да и переводил

Андрей Вавилов - советник МИД России, кандидат исторических наук.

индийскому премьеру на протяжении двух лет, вплоть до ночи его странной смерти. Рассказ о ее обстоятельствах будет неполон без пристального взгляда на саму конференцию - ее истоки, ход и успешные итоги. Они неразрывно связаны с судьбой Шастри.

К встрече в Ташкенте привела серия вооруженных столкновений между Индией и Пакистаном. В апреле 1965 года пакистанские войска атаковали индийцев в спорном пограничном районе Качский Ранн, безлюдной соляной пустыне в штате Гуджарат. В сентябре начались столкновения на севере - в Кашмире. Боевые действия вспыхнули и в западной части Пакистана. Обе армии захватывали участки вражеской территории. Прекращение огня было шатким, не гарантировало мир. Продолжение войны подорвало бы экономику Индию, не говоря о Пакистане, в военном отношении менее мощном государстве.

Особенно острой сложилась ситуация в Кашмире. Проблема возникла еще в 1947 году в ходе раздела Индии, тогда британской колонии, на два независимых государства - Индийский Союз и мусульманский Пакистан. Индусский правитель княжества Кашмир, действуя на основании Закона о независимости Индии, принятого английским парламентом, заявил о присоединении княжества, 80% населения которого составляли мусульмане, к Индии. Отказ Пакистана признать это привел к вооруженному конфликту. Результатом стал фактический раздел княжества на две части: около трети стала контролироваться Пакистаном, т.н. «Азад (свободный) Кашмир», остальное стало индийским штатом Джамму и Кашмир. Индия всегда считала пакистанскую оккупацию незаконной.

К межгосударственной и религиозной напряженности, взаимному недоверию и подозрительности, посеянной при разделе полуострова не без содействия Англии, добавлялась и личная неприязнь обоих лидеров. Их внешний вид разительно отличался: высокий, импозантный экстраверт Айюб Хан и миниатюрный (не достававший ему до плеча) и молчаливый Шастри. Однако они были схожи в своей твердости, даже упрямстве, в отстаивании национальных позиций.

Президент Пакистана фельдмаршал Мохаммед Айюб Хан, Премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри, Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин (слева направо)

В те годы Индия была неприсоединившимся государством, близким партнером СССР. Но советское руководство старалось наладить отношения и с Пакистаном, членом двух прозападных военных блоков. Пакистан на это шел. В Москве родилась идея посредничества. Однако без ослабления напряженности между Индией и Пакистаном Советскому Союзу пришлось бы постоянно лавировать между ними. Помимо укрепления безопасности в близком к нам регионе, неплохо было бы и отдалить Пакистан от США и Китая (тогда был пик советско-китайской вражды).

Понимая риск посредничества в споре, регулярно перераставшем в вооруженные столкновения, Советский Союз полагался на свой авторитет в обеих странах, на свой статус не только европейской, но и азиатской державы. Попытка Англии стать «медиатором» не удалась, и Запад скептически относился к способности СССР примирить стороны конфликта, этой первой попытке ком-

мунистической державы примирить два враждующих капиталистических государства. Немало надежд в Москве связывали с личным авторитетом Алексея Николаевича Косыгина, который уже выделился из советского руководства опытом государственного деятеля и знанием международной проблематики, умелого переговорщика. Будучи реалистом, Косыгин сознавал предстоящие трудности, но он был знаком с тем и с другим лидером - принимал их с государственными визитами в СССР в 1965 году. Оба посещали тогда и Ташкент, поражались тщательностью восстановительных работ в древних мечетях Бухары и Самарканда. Айюб Хан при мне молился перед гробницей Тамерлана.

Из Индии и Пакистана приходили сигналы, что СССР мог бы сыграть благотворную роль в урегулировании кризиса. Косыгин обменивался с обоими руководителями письмами после вооруженного конфликта в апреле 1965 года. В сентябре Косыгин пишет им, предлагая встретиться в Ташкенте. Уже в декабре, после первоначальных заминок, они согласились прибыть на такую встречу без всяких условий.

Хотя Индия всегда традиционно ближе к СССР, чем Пакистан, был сделан максимум, чтобы избежать обвинений в наших предпочтениях, как в политическом, так и в хозяйственно-бытовом плане: от зеркально экипированных резиденций для обоих лидеров, до мебели, письменных принадлежностей, числа автомашин и обслуживающего персонала.

В Ташкент наша делегация вылетела 1 января 1966 года - не самый удобный день для начала работы. После новогодней ночи многие пассажиры выглядели невыспавшимися. Всего 85 человек, на двух правительственных самолетах Ил-18. В делегацию входили министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко и министр обороны маршал Родион Яковлевич Малиновский. Эксперты-дипломаты, секретари-машинистки, служба безопасности, хозяйственный персонал, связисты. Летели и мы, переводчики, сотрудники Бюро Переводов МИД: Виктор Суходрев, Андрей Вавилов, Сергей Четвериков и Герман Гвенцадзе (были переводчики и на хиндустани, но они не потребовались: переговоры шли на ан-

глийском). Большую вспомогательную роль предстояло сыграть узбекским властям по обеспечению комфортного и безопасного проживания и работы двум многочисленным иностранным делегациям и армии иностранных журналистов.

Возглавлял нашу делегацию Косыгин.

Ташкент встретил нас солнцем и теплом (+20). Старая часть города, базар и так отличались восточными красками, уличными закусочными с вкуснейшим пловом, теперь город еще более похорошел: был обновлен асфальт улиц, освежены фасады магазинов. Сюда была стянута милиция из всей республики. Стояла прекрасная погода, настроение у жителей города было приподнятое, ташкентцы всячески демонстрировали свою доброжелательность.

Официальное открытие конференции состоялось 4 января в присутствии всех делегатов и прессы. В зале за большим круглым столом царил холод, улыбок не было. Затем была короткая встреча между Айюб Ханом и Шастри - по процедурным вопросам. Пакистанский президент высказал готовность к трехсторонним встречам с участием Косыгина, но Шастри отказался. Думаю, он надеялся, что его советский союзник будет более эффективно нажимать на Айюба с глазу на глаз.

После открытия конференции сразу начались проблемы. Особая трудность заключалась в том, что Шастри и Айюб не вели переговоры один на один. Избегая личных встреч, они оставались в своих резиденциях, согласившись лишь на двусторонние беседы с Косыгиным. Ему предстояла челночная дипломатия: поездки из одной дачи в другую, разговор то с одним, то с другим. С 4 по 10 января Косыгин был погружен в безостановочный процесс: выслушивание позиций, убеждение, споры, анализ требований двух противников, их претензий и жалоб, передача их от одного лидера другому, подсказывание возможных развязок и формулировок. Насколько я помню, лишь дважды оба лидера встретились наедине: на довольно невеселом ланче в одном помещении (на «нейтральной даче», подготовленной для двусторонних встреч) и в конце конференции, после подписания с трудом согласованной Ташкентской декларации.

Ташкент, 1966 г.

После той первой двусторонней встречи Айюб посетовал Косыгину, что на его слова Шастри отвечает молчанием, поэтому далее встречаться им вдвоем «бесполезно». Надо сказать, что Айюб, несмотря на военную статью, производил положительное впечатление своими спокойствием, приветливостью и вниманием к собеседнику. В ответ на вопрос Косыгина Шастри тихим голосом объяснил, что «молчит, чтобы не обидеть; он предлагает неприемлемые вещи». «Он» - только так, без имени, они называли друг друга в беседах с Алексеем Николаевичем. Индийцы считали внешнюю приветливость Айюб Хана напускной.

С чем приехала советская делегация в Ташкент? Цель максимум была склонить стороны к заключению всеобъемлющего двустороннего пакта о мире, дружбе и добрососедских отношениях. Его текст, кажется, был заготовлен в Москве, но нам, переводчикам, он показан не был, что косвенно свидетельствовало о его нереалистичности.

Непримиримые позиции сторон подтвердились уже в первых отдельных беседах обоих лидеров с Косыгиным. Айюб Хан заявил ему, что основным вопросом повестки дня Ташкентской встречи

должна быть кашмирская проблема, «которая не решена». Это означало, что Пакистан опять предъявит претензии на всю территорию. Шастри же сказал Косыгину, что видит задачу встречи в договоренности об отказе от войны, исключении конфликтов и нормализации отношений. Из его слов выходило, что т.н. «кашмирского вопроса» не существует. Т.е. Шастри надеялся, не говоря об этом прямо, что договоренность о мирных отношениях будет гарантировать неприкосновенность штата Джамму и Кашмир. На худой конец он был не против закрепления линии раздела в нынешнем status quo. Но при этом он требовал обуздать пакистанских «инфильтраторов» (лазутчиков). Именно поэтому Индия не отдаст перевалы, через которые они могут двинуть в Кашмир.

Пакистанцы, однако, настаивали, что речь идет не об инфильтраторах, о самом народе Кашмира.

Несмотря на противоположность позиций сторон, Косыгин с энергией приступил к своей миссии, к поездкам в обе резиденции, из одной в другую (благо они были расположены рядом). Виктор Суходрев и я его сопровождали. Но довольно скоро он понял, что ни о каком всеобъемлющем пакте мира не может быть и речи, да и кашмирский вопрос в Ташкенте решить не удастся. Стороны уперлись и не отходили на запасные позиции. Что же делать, к чему вести дело?

Я листаю сохранившийся блокнот (полсотни страниц) моих рукописных записей последнего дня переговоров - 9 января: части слов, сокращения, значки. Каждый переводчик имел свою систему скорописи. Некоторые каракули сейчас трудно разобрать. Однако из записей видно, как упорно и умело Косыгин ведет беседы, и как доверительно с ним говорят оба лидера. Всего он провел порядка двадцати отдельных встреч, каждая по одному, два, три часа. Я участвовал в десятках международных переговорах как в качестве переводчика, так и эксперта-дипломата (по запрещению химического и других видов оружия массового уничтожения, по разным проблемам экологии), но редко сталкивался с такой плотностью и напряжением на протяжении одной недели.

С Виктором Суходревым, моим хорошим другом и лучшим дипломатическим переводчиком английского языка в МИД, да и, пожалуй, в СССР, мы обычно работали в паре. Такой формат давно отработали. Он переводил, я делал пометки в блокноте. Или я переводил, он отдыхал. Переводчики постоянно сопровождали Косыгина и Громыко, ездили в гостиницу «Ташкент» диктовать беседы (часто ночью) мидовским машинисткам.... «Волгам» делегации было разрешено ехать на красный свет - при их появлении все автомобильное движение в городе перерывалось.

На ранней стадии переговоров мы - переводчики - увидели, что процесс согласования текста заключительного документа стал напоминать хемингуэевский «поток сознания». Аргументы, контраргументы, меняющиеся варианты абзацев, фраз и отдельных слов - этот калейдоскоп формулировок детально восстанавливать каждый день уже было почти невозможно. Да и не нужно. Главной нашей задачей стало зафиксировать позиции, аргументацию сторон, согласованный вариант на данный момент и оставшиеся подвешенными части текста. Такие аналитические выжимки мы постоянно записывали на полях наших блокнотов, для себя. Ведь на кратких совещаниях руководства нас иногда просили напомнить суть позиций, процитировать слова, произнесенные Айюбом или Шастри.

Помогал стиль работы Косыгина. С ним было легко, все чувствовали себя членами одной команды, без ранжиров. Огромное значение имела его феноменальная память (впрочем, как и у Громыко). Ему не нужны были наши длинные записи, а только суть, которую он быстро схватывал. В редких случаях он обращался к нашей памяти, т.е. к нашим заметкам, говорил всегда уважительно. Отпечатанных записей бесед он не ждал, понимая, что за дефицитом времени это уже физически невозможно. Да и он скептически относился к «исторической значимости» подробных, почти стенографических, записей (такие готовились при Хрущеве, Брежнев и позднее при Горбачеве). Лишь в одном случае он попросил подробно записать краткую беседу с Шастри. В ней он усмотрел важный признак податливости Индии на последнем этапе,

и это надо было точно зафиксировать. Характерно, что и Громыко, обычно ревностно относившийся к записям бесед, их от нас не требовал.

В переговорах Косыгин был предельно вежлив, тактичен, не доминировал, осторожно убеждал того и другого лидера. Говорил примерно так: «Альтернатива примирению - продолжение войны... Можно, конечно, сейчас разъехаться, но через год, два, пять лет вы вернетесь к тем же вопросам, но уже затратив миллиарды на войну... Начните с чистого листа, сделайте первый шаг, ведь вы части в свое время единой страны, с одной историей, культурой, языками... Все равно рано или поздно вы сядете за стол переговоров, так давайте договоритесь сейчас... Не разумнее ли оставить некоторые проблемы в подвешенном состоянии (он имел ввиду Кашмир) и договориться хотя бы о нормализации отношений?» Он не только призывал, а глубоко погрузился в проблему и находил нужные слова и формулировки для включения в текст будущей декларации.

Почти на всех беседах с нашей стороны присутствовал Андрей Андреевич Громыко, заведующий Отделом Южной Азии МИД Виктор Иванович Лихачев, наши послы Иван Александрович Бенедиктов (он прибыл из Дели) или Михаил Васильевич Дегтярь (из Карачи). С индийской стороны - министр иностранных дел Сваран Сингх с заместителями, посол в Москве Трилоки Натх Кауль (вездесущий и информированный), помощники Шастри. С пакистанской – министр иностранных дел Зульфикар Али Бхутто со своими дипломатами и помощниками. Иногда Косыгин отправлялся на беседу с Шастри и Айюбом один (с нами, переводчиками).

В разговор включался и Громыко. Он присутствовал почти на всех беседах, вел разговоры с обоими министрами иностранных дел, прежде всего с упрямым Бхутто. Помню такую вечернюю сцену: мрачный Бхутто сидит перед Громыко, спорит, отвергает, время от времени отхлебывает виски с содовой из стакана, который держит под своим стулом (Громыко почти не потреблял спиртного).

Все встречи проходили в строжайшей секретности, никаких утечек прессе не допускалось, чтобы не повредить ходу перего-

воров. Пресс-конференции были скучными и вызывали досаду у иностранных журналистов. Однако такая конфиденциальность укрепляла доверие сторон к советскому посреднику. Оба лидера беседовали с ним весьма откровенно и доверительно, в полной уверенности, что их слова (иногда жесткие и обидные) не станут достоянием публики еще много лет, может быть, никогда.

Косыгин располагал обширной информацией о подспудных настроениях сторон, их степени упрямства или податливости. Об этом заботились эксперты нашей делегации, которые поддерживали каждодневные контакты с дипломатами, военными, журналистами обеих стран. Сыграли роль и наши разведрезидентуры в Дели и Карачи. Их донесения позволили Косыгину и Громыко объективно судить о намерениях сторон, реальной степени их несговорчивости, более эффективно и быстро подталкивать их к компромиссу. Уникальность ситуации заключалась в том, что закрытая информация не использовалась против них или к выгоде СССР – она помогала экономить время переговоров, отбрасывать ненужную полемику, концентрироваться на действительно важных элементах позиций. На моих глазах произошел такой эпизод. Косыгин, Громыко и мы с Виктором только что отъехали в одной машине из резиденции Шастри, как вдруг Громыко приказал водителю остановиться. Он буквально выпрыгнул и побежал назад. Через несколько секунд вернулся со своей темно-коричневой папкой. «Что, все секреты там оставил?», улыбнулся Косыгин. Громыко смущенно промолчал. Мы с Виктором решили, что министр был измотан напряженнейшими дебатами. За долгие годы нашего общения с ним такой забывчивости мы больше не наблюдали.

Айюб Хан и Шастри медленно, но верно поддавались аргументации Косыгина. Скорее всего они внутренне были готовы ее воспринять, как исходящую от нейтрального, сочувствовавшего им обоим посредника, а не от равнодушного наблюдателя. Вот тут и стали появляться проекты заключительного документа конференции. Сначала Шастри предложил проект пакта и коммюнике. Айюб Хан дал Косыгину для передачи индийцам куцый текст из

пяти строчек. Громыко все-таки убедил пакистанцев его расширить. На следующее утро Бхутто привез длиннющий проект, где было все – от прекращения гонки вооружений до Кашмира. Хотя он включил отдельные общие формулировки из индийского проекта, было ясно, что большую часть текста индийцы ни за что не примут.

Встал вопрос о предложении советской стороной компромиссного варианта. Громыко намекнул обоим министрам: «Мы могли бы предложить, но нас об этом никто не просил...». Так, обе стороны согласились работать по нашим текстам, по абзацам.

Вечером 8 января все три делегации присутствовали в театре оперы и балета имени А.Навои. Суходрев, я и Герман Гвенцадзе находились в ложе с тремя лидерами. Мы раздали им либретто «Лебединого озера» на английском языке, и в антракте Айюб Хан и Шастри углубились в его чтение - только бы не разговаривать с друг другом!

Косыгин наклонился к Шастри: «Танцуют узбекские артисты, и дирижер узбек». То же самое он сказал Айюб Хану. Я глянул в программу: помимо блистательной Бернары Кариевой (в роли Одетты) и других узбекских танцоров выступал молодой Владимир Васильев (принц Зигфрид), а дирижировал Наум Гольдман. Конечно, Алексей Николаевич порядком устал...

В антракте индийский посол Трилоки Натх Кауль бросил в сердцах Суходреву: «Полный тупик».

Во время действия Косыгин продолжал шепотом переговариваться с Айюбом и Шастри. Этот балет они смотрели во время своих предыдущих визитов в СССР. Видимо, почувствовав, что стороны подают признаки сближения позиций, Косыгин повернулся ко мне во время страстно-громкого исполнения испанского танца: «Эту беседу (с Шастри) обязательно запишите». В полумраке это сделать было нелегко.

Вот некоторые ключевые моменты переговоров. Много споров вызвала проблема линии прекращения огня в Кашмире. Шастри требовал ее строгого соблюдения. Пакистанцы опасались (не без основания), что она будет превращена Индией в государственную

границу, что положит конец их претензиям на весь Кашмир. Они настаивали на отводе индийских войск от линии, но индийцы связали этот шаг с отказом от использования силы.

Шастри сообщил Косыгину, что индийские войска могут отойти от линии прекращения огня, но не с занятых ими горных перевалов (он признался, что «покаялся их сохранить»). Намекнул на готовность превратить эту линию в государственную границу. Затем - в госграницу «с поправками» (т.е. в пользу Пакистана). Правда, вскоре уточнил: «с взаимными поправками» и с сохранением перевалов в руках индийцев. Все это ставилось в зависимость от обещания Пакистана не прибегать к силе.

Шастри предложил Косыгину для передачи Айюб Хану такую формулу: «все споры и разногласия решаются мирными средствами». Бхутто, который был не прочь, если нужно, торпедировать конференцию, позвонил и сообщил об отказе Айюба ее принять. Согласие дадут только, если будет создан «механизм для справедливого решения кашмирского вопроса». Шастри ответил отказом. Он не мог пойти на это, т.е. на увековечивание проблемы. Попытки Косыгина убедить Айюба и Бхутто, что согласие лидеров и дальше встречаться для обсуждения всех проблем и есть «механизм», не удались.

Больших усилий стоило Косыгину и Громыко блокировать экскурсии Айюб Хана и Бхутто в историю, особенно кашмирского вопроса, для подкрепления своих тезисов и объяснения старых обид. В меньшей степени к истории прибегали Шастри и Сваран Сингх. Все-таки удалось их всех убедить, что Ташкентская встреча - не для выяснения, кто был прав в прошлом, а кто виноват. Здесь надо решать нынешние и срочные вопросы.

«Почему вы всячески противитесь обязательству воздерживаться от применения силы, спрашивал пакистанцев Косыгин, ведь, это общепризнанная норма международного права! Вы что, хотите применять оружие?»

«Ни за что не согласимся с обязательством не применять силу, - заявили Айюб и Бхутто, - А если восстанет народ Кашмира, и индийская армия будет подавлять его под предлогом, что это не

народ, а пакистанские лазутчики? Нам что же, будет запрещено применять силу?» Смысл этой аргументации был вот в чем: отказ от применения силы отсечет Пакистану возможность решить вопрос о Кашмире военными средствами, если Индия откажется мирно отрегулировать эту проблему.

А.Н.Косыгин открывает Ташкентскую конференцию

«Давайте пока подвесим этот вопрос, предложил Косыгин, здесь мы его не решим. Просто констатируем, что стороны изложили свои позиции». Айюб возражал: «Зачем отрицать действительность, проблема ведь существует!» (В конце концов в Декларацию было включено обязательство сторон не применять силу и решать разногласия мирными средствами «в соответствии с Уставом ООН». Здесь пакистанцы увидели лазейку, т.к. статья 51 Устава разрешает самооборону. Огромную роль для убеждения пакистанцев принять формулировку сыграли юридические разъяснения Громыко, непревзойденного эксперта по Уставу ООН, да и одного из его «отцов»).

Интенсивность переговоров достигла апогея 9 января. Это был предпоследний день конференции. 10-го она должна была завер-

шиться. Я так отметил в своем блокноте встречи Косыгина и их продолжительность:

11.00 – с Шастри (1,5 часа)

14.00 – с Айюбом (1 час)

16.45 – с Айюбом (1,5 часа)

18.45 – с Шастри (2,5 часа)

21.30 - с Айюбом (1 час)

23.45 – с Шастри (1 час)

Под самый занавес стороны согласились на освобождение занятых ими территорий. Последнюю трудную уступку сделал Шастри: отдать отвоеванный участок высокогорной кашмирской земли (в итоге в Декларации был упомянут отвод войск, неприменение силы и сделана ссылка на Джамму и Кашмир, где «стороны изложили свои соответствующие позиции».

Было 15 минут после полуночи (уже 10 января), когда Шастри подтвердил Косыгину, что согласен с окончательным текстом декларации. Мы последовали на своей машине за «Чайкой» Косыгина на его дачу. Он сказал, что пойдет позвонить (наверное, Брежневу) по «ВЧ», защищенному каналу правительственной связи. А мы сообщили радостную весть его помощнику Олегу Александровичу Трояновскому и заместителю министра иностранных дел Николаю Павловичу Фирюбину. Появился Громыко. Он ходил звонить Бхутто, сообщил ему о последней уступке Шастри. Наша небольшая команда была в состоянии тихой эйфории. Но чего-то не хватало...

Вошел Леша Сальников (офицер КГБ по хозяйственным делам): «Алексей Николаевич приглашает в столовую». Косыгин улыбается, снял пиджак. На пустом столе бутылка армянского коньяка, вазочка конфет. Как-то естественно, будто мы были в одной дружеской компании, налили друг другу по рюмке коньяка и выпили за победу. Закусили шоколадными конфетами. Громыко сказал, что много пережил переговоров, но эти были самыми трудными. Было около двух ночи. Нашим девушкам-машинисткам предстоит напечатать Декларацию на английском на специальной плотной договорной бумаге, где текст обрамлен красной рамкой, в нескольких

экземплярах. И на русском – на обычной бумаге. Текст согласовывался на английском, он постоянно обновлялся. Русский вариант готовился только для нашего внутреннего пользования.

Ночью подготовкой чистых экземпляров займются юристы двух делегаций, которым мы передали окончательный английский текст, несколько листов с пометками на полях, многочисленными исправлениями.

На следующий день, 10 января, состоялось подписание Декларации. В 16.00 руководящий состав делегаций расположился за большим круглым столом. Торжественные речи. Секретарь советской делегации Игорь Николаевич Земсков зачитал текст документа по-русски. Косыгин объявил: «Текст Декларации на английском зачитает Виктор Михайлович Суходрев, советник МИД СССР». Виктор удивленно взглянул на Косыгина - у него же ранг первого секретаря, не советника. Так премьер своей волей повысил ранг нашему легендарному переводчику - и заслуженно!

Я сидел за спиной Айюб Хана. В последний момент, оказывается, произошла накладка, которую поручили исправлять мне, видимо, как самому молодому сотруднику. В подписном тексте в восьми местах значился глагол shall, хотя пакистанцы в последний момент настояли на изменении его на will. Для них вопрос стал принципиальным: shall вроде слишком сильное слово для выполнения сторонами принятых обязательств (такую казуистику они усмотрели в обычном юридическом термине). Бхутто заявил Громыко; «Да, этот термин обычно применим, но только не в отношениях Индии и Пакистана». Индийский министр Сваран Сингх нехотя согласился на will, связавшись по телефону с предельно уставшим Шастри.

По какой-то причине машинистки не внесли эти поправки в чистовой подписной текст: может, не успели, а может им в ночной запарке не передали... Осталась и фраза в конце, что Декларация – «поворотный пункт в истории». Ее не желали пакистанцы – для них история не закончилась, они еще поборются...

Виктор, сидевший рядом с Косыгиным, поднялся и начал зачитывать текст Декларации вслух по-английски, а Айюб Хан следил

по своему старому тексту. Дойдя до второго абзаца, он вздрогнул. Я наклонился и прошептал ему на ухо, что will еще не успели внести, и все четыре страницы двух альтернатив уже перепечатываются. Айюб еле заметно кивнул (поверил мне). Тем более он слышал правильный вариант, который зачитывал Виктор. Не знаю, был ли кто наказан за оплошность, но справедливости ради мидовские машинистки печатали по-английски блестяще, без орфографических ошибок.

Подписанная Декларация предусматривала важнейшие положения: отвод вооруженных сил обеих стран на позиции, которые они занимали до начала вооруженного столкновения, возвращение военнопленных, решение проблемы беженцев, возобновление нормальной деятельности дипломатических представительств, прекращение пропаганды, восстановление экономических и торговых связей, продолжение встреч на высшем уровне. В отдельном пункте выражалась «глубокая благодарность Председателю Совета министров СССР за его дружескую и благородную роль» в обеспечении успеха встречи. Он приглашался засвидетельствовать Декларацию. (Косыгин ее подписывать не имел ввиду).

Поставив подписи под документом, Айюб и Шастри повеселели, подошли друг к другу и обменялись теплыми рукопожатиями. Гром аплодисментов.

Шастри встретился с представителями индийской пресс и уехал в резиденцию отдохнуть.

Вечером в Доме приемов Совета министров УзССР собрались все делегаты. Зал был полон. Царила радость. Но было душно, жарко и накурено. Некоторые делегаты даже выходили в коридор подышать. Шастри выглядел спокойным, мягко шутил с узбекским руководством, Председателем Совета министров Рахманкулом Курбановым и Председателем Президиума Верховного Совета Ядгар Насриддиновой. Улыбался. Выдержка у него всегда была отменная. Почти ничего не ел. К шампанскому не притрагивался, пил сок. Примерно через час он попросил меня сказать Косыгину, что «хочет улизнуть» перед концертом узбекских артистов. Хотя он не выглядел усталым, разговаривать с подходившими к

нему десятками людей было утомительно. Косыгин успокоил его: «Концерт всего на полчаса». Он продолжался час. Отсидев довольно шумное представление, Шастри собрался уезжать - раньше всех, примерно в 10 вечера. Попрощался с Айюб Ханом. Они дружелюбно, как нам показалось, пожали друг другу руки. «Кхуда хафиз - Да хранит вас бог» - такой фразой обменялись они на хиндустани (разговорный язык в обоих государствах практически один, только шрифты разные - значки деванагари в хинди и арабская вязь в урду).

К выходу потянулись помощники и охрана. Айюб Хан покидал прием вместе с Косыгиным. Предложил ему зайти «на посошок», благо его резиденция рядом. Там, за стаканом виски, он поблагодарил за организацию конференции, сказал об укреплении связей с СССР. Был в отличном настроении.

Руководство уехало, отправились и мы в гостиницу «Ташкент», где размещались основные составы индийской, пакистанской и советской делегаций, а также многочисленные журналисты.

Айюб Хан подписывает Декларацию; справа от него – Зульфикар Бхутто

В зале ресторана нас ждали накрытые столы. Все были голодны, поэтому начавшееся празднование было естественным, как и веселое настроение. Иностранные журналисты притащили несколько бутылок виски и джина. И если братания индийцев и пакистанцев не было, то радость от успешного завершения была неподдельной. Звучали доброжелательные тосты, многие в адрес советских дипломатов. Дирекция гостиницы пригласила джаз-оркестр, к которому присоединились музыканты-любители из делегатов. В какой-то момент я взобрался на сцену и стал подыгрывать им на контрабасе.

Расходились около часа ночи. Я долго не мог уснуть. Где-то в начале третьего в дверь моего номера 36 забарабанили. Это был коллега, Сергей Четвериков: «Андрей, я сейчас такое скажу... Шастри уже полчаса в состоянии клинической смерти!» Моя первая реакция была: что за глупость...

Переводчики Косыгина были в кругу лиц, работавших непосредственно с тремя лидерами. Ближе к ним, пожалуй, не был никто, даже охрана. Неудивительно, что одними из первых о трагедии оповестили нас. Я быстро оделся. В фойе уже толпились члены индийской делегации. Растерянные лица, слезы... Они не знали, что делать, куда бежать?

Машина переводчиков номер 18, бежевая «Волга», всегда наготове. Мы с Сергеем и Германом запрыгнули в нее, наш искусный шофер Толя погнал в «Дурмень» (по его словам, он поставил рекорд - 12 минут!). Подъехали к ярко освещенным воротам. Вооруженные солдаты заблокировали въезд и никого не пускают. Что именно произошло, никто толком не знает. Мне сообщили, что наш главный переводчик Виктор Суходрев вместе с замминистра Фирюбиным только что проехал на территорию (их подняли с постели первыми), почти одновременно с Косыгиным. В такие моменты спорить с охраной не рекомендуется - она нервничает. К даче Шастри пытаются прорваться журналисты. Как ни странно, первым среди них оказался корреспондент *Washington Post*, проживавший в гостинице «Интурист» в 250 метрах от «Дурменя». Информация о переговорах

для журналистов давалась весьма скудная, практически никакая. А тут сразу - бомба!

Мы развернулись, поехали назад в гостиницу ждать указаний - разумнее находиться рядом с городским аппаратом (мобильных телефонов тогда не было). Подхожу к своему номеру. Из соседней двери высовывается заспанное лицо сотрудника Отдела печати МИД: «Андрей, Шастри выезжает в 10, как по программе?» Я бросаю на ходу: «Он умер». Двери номеров распахиваются на шум - некоторым показалось, что уже утро.

Позднее Виктор и другие рассказали мне, что происходило на даче Шастри. Эти рассказы я дополняю более поздними воспоминаниями свидетелей-индийцев. Они расходятся в деталях. Пережитый шок спутал представления о времени, о последовательности происходившего. Но картину воссоздать можно следующую.

Вернувшись с приема, Шастри сказал своему помощнику Ч.П.Сриваставе, что каждый вечер ему приходится ложиться после полуночи, но сегодня, наконец, можно пораньше. Настроение у него было хорошее. Пожаловался на холодную погоду - ему нравилась теплая спальня. Предупредил, что назавтра надо потеплее одеться. Они летят в Кабул, там будет морозно. Настоял, чтобы помощник взял его машину (Сривастава обещал встретиться с журналистами в отеле). Проводил его до дверей. Вернулся. Позвонил сыну и супруге в Дели. Спросил ее о впечатлении о конференции. Она сказала, что это плохой результат. Наверное, ее слова Шастри воспринял болезненно. Ему уже доложили о негативной реакции правой оппозиции в Индии - некоторые деятели назвали Декларацию предательством, что он вернул Пакистану отвоеванный индийскими солдатами горный перевал в Кашмире... В индийской прессе уже появились обвинения в подрыве интересов страны. Критика нарастает...

По словам лечащего врача Р.Н.Чугха, который находился в соседней комнате, Шастри лег спать в половине первого. В 1 час 20 минут слуга премьера вызвал Чугха. Тот немедленно прошел в спальню: Шастри сидел в постели, покашливал. Пожаловался на затрудненное дыхание. Лицо было бледным, частый пульс еле прослушивался. Давление не определялось. Врач с помощью

слуги и секретарей уложил премьера и сделал ему два внутримышечных укола. Через три минуты Шастри потерял сознание, пульс пропал, дыхание прекратилось. Чугх пытался его реанимировать, стал делать искусственное дыхание изо рта в рот через специальный клапан. Появившаяся через несколько минут наш врач Е.Г.Еременко ему помогала. Прибыла бригада скорой помощи и группа врачей во главе с замминистра здравоохранения Узбекистана профессором У.А.Ариповым. Непрямой массаж сердца, внутрисердечные инъекции, подключение к аппарату искусственного дыхания - ничего не давало результатов. Шастри был мертв.

По другой версии, во втором часу ночи он, видимо, почувствовал стеснение или боль в груди или в руке (этого никто уже не узнает). Он поднялся и босиком пошел к двери. Попросил чаю, и связаться с врачом. При этом ни на что не жаловался. Советский прикрепленный (телохранитель) сразу позвонил нашему военврачу, дежурившему по госдачам. Тот немедленно выехал, а по телефону посоветовал сразу дать Шастри рюмку коньяку в качестве сосудорасширяющего средства. Шастри отказался: он никогда не пробовал спиртного, даже в медицинских целях. Начал кашлять. Теряет сознание и падает на пол. На шум вбегают его личный секретарь М.М.Н.Шарма, затем врач Р.Н.Чугх. Они переносят Шастри на кровать, Шарма держит его голову на коленях, врач пробует искусственное дыхание. Бесполезно. Шастри без белой гандистской шапочки, лицо сморщенное, глаза полузакрыты.

Бригада во главе с Ариповым подключает Шастри к аппарату искусственного дыхания. Бесполезно. Индийцы сообщают, что он уже пережил два инфаркта в 1959 и 1964 годах. Это никогда не афишировалось. Врачи потом определяют, что смерть наступила в 1 час 32 минуты утра.

Прибывает Косыгин. В первые секунды он решил, что Шастри еще жив, потому что слышит хрип и шум дыхания. Но это аппарат накачивает в легкие воздух. Пульса уже нет. Министры Сваран Сингх и Чаван, помощник Шастри, посол Кауль, стоят вокруг кровати, в глазах слезы. Растеряны. Косыгин берет ситуацию в руки. Он просит индийский флаг. Его приносит наша охрана. Подзывает

Суходрева, и они вместе накрывают им тело. Косыгин спрашивает, разрешено ли по индусским обычаям уложить тело в гроб? Индийцы говорят, можно, но не закрывать крышку.

Алексей Николаевич отдает короткие приказания Курбанову: «Организуйте все для перевозки тела в Дели. Гроб. Кумач, траурный креп. Красные и черные повязки, венки...» Малиновскому: «Лафет, бронетранспортер, солдат...». Малиновский тут же звонит, отдает приказ выбрать гаубицу, снять ствол, отпилить лафет. На нем повезут гроб в аэропорт.

Кто-то из местных спрашивает: «Где взять кумач? Ночь...» Косыгин: «В центральном универмаге». «Директора не можем найти, а ключи у него...». «Взломайте двери или окна, забирайте, что нужно. Поставьте солдат охранять. Свяжитесь с авиационным заводом - пусть немедленно сделают алюминиевый гроб...». (Возможно так же решительно Косыгин действовал во время Великой Отечественной войны, налаживая снабжение осажденного Ленинграда по Дороге жизни через Ладогу). Индийцы просят сделать в крышке гроба окошко из плексигласа.

Появился Айюб Хан. Вид у него потрясенный. Косыгин первый расписывается в книге соболезнований. Потом Громыко и Малиновский. Алексей Николаевич говорит, что Шастри сделал все ради мира, ради своего народа, он великий человек, настоящий гуманист... Сривастава звонит в Дели и сообщает сыну Шастри горестную весть.

Врач Чугх и наши медики едины в мнении о причине практически моментальной смерти. Чугх и Арипов подписывают медицинское заключение. В нем говорится, что Шастри пережил инфаркты в прошлом, поэтому «можно считать, что смерть наступила в результате нового инфаркта миокарда». Он предпочитал лечиться травами, йогой. Скрывал, наверное, свой недуг. Близкие знали, что он не любил, когда спрашивали о его здоровье. Этот вопрос касался исключительно его и лечащего врача.

Впоследствии я узнал, что были задержаны и изолированы три советских сотрудника ресторанов, где столовались делегаты и готовилась пища для лидеров. Они отсидели несколько часов в под-

Шастри и Айюб Хан после подписания; справа – Сваран Сингх

вале, пока к ним не приехал Косыгин и лично извинился, подтвердив естественную смерть Шастри. Вскрытия не проводили - это станет потом одним из обвинений оппозиции в адрес индийских врачей. Тело поспешно бальзамируют.

На следующий утро Шастри должен был вылететь в Кабул по приглашению короля Афганистана. Теперь его маршрут лежит домой, в Дели.

Думаю, у Косыгина не было сомнений, что из уважения к лидеру Индии его долг лететь на похороны. Лично рассказать, как свидетель, индийскому руководству о происшедшем в Ташкенте: о ходе переговоров, обстоятельствах смерти Шастри. Только это позволит нейтрализовать возможные слухи о «пакистанском заговоре».

Алексей Николаевич быстро определил, кому его сопровождать. Небольшая делегация - без министров и других начальников. Только те, кто действительно понадобится в Дели. Конечно, переводчики. Наши два Ил-18, которые должны были сегодня вернуться в Москву, теперь полетят в Дели. Виктор отправится в главном самолете с Косыгиным, а мне приказано лететь в самолете с телом Шастри и индийской делегацией.

А как же паспорта, визы - у нас их нет! Мой вопрос остается без ответа. Кто-то говорит, у всех же с собой служебные удостоверения МИД, Совмина, КГБ... Я быстро упаковываю небольшую сумку. Чемодан и теплые вещи оставляю в гостинице - там разберутся, доставят в Москву. Успел позвонить домой супруге Марианне - она все слышала по радио. Эту ночь мы практически не спали.

Рано утром собрались на даче Шастри. Всем раздали черные повязки. Косыгин и Насриддинова укладывают венок из живых цветов на лафет. Сваран Сингх и Чаван помогают солдатам установить гроб, накрытый индийским флагом.

9.30 утра. Восьмиколесный бронетранспортер Советской Армии заревел, дернулся и потянул за собой лафет.

Кавалькада машин медленно двинулась в аэропорт. В суматохе я потерял машину, и стоял, озираясь. Вижу, мимо проезжает Косыгин. Его дочь Людмила опускает стекло и машет. Я прыгаю к ним на откидное сиденье. Косыгины довольны, что я не потерялся. Делимся впечатлениями о последнем дне конференции, о происшедшем.

На обочине 17-километровой трассы - толпы народу, наверное, десятки тысяч (Курбанов потом уточнит, что было около полумиллиона). Узбекские женщины плачут, горестно кивают головами, а над головами оставшиеся с вечера транспаранты: «Приветствуем руководителей Индии и Пакистана!» Но флаги уже приспущены, на них черные ленты. Два раза останавливаемся: колеса лафета жесткие, гроб трясет. Солдаты затягивают потуже белую тесьму. Через полтора часа медленной езды прибываем в аэропорт.

На аэродроме суতোлка: делегации Индии и Пакистана, охрана, узбекские руководители... Я поспешил в самолет заранее, смотрю через открытый люк. Айюб Хан, который ждал на аэродроме, встает рядом с Косыгиным в почетном карауле. Они провожают гроб до трапа самолета (на самом деле его несут крепкие солдаты). Осторожно помогают поднять его по крутому трапу и устанавливают в центре салона, откуда убрана часть кресел. Траурная музыка. Двадцать один резкий выстрел прощального салюта.

Из Ташкента до Дели лететь часа три с половиной. Самолет поднимается в воздух в 11.35. Через несколько минут на втором правительственном Ил-18 вылетит Косыгин.

В салоне нашего самолета Курбанов, индийские министры, Кауль, помощники Шастри, его врач... Некоторые индийцы рыдают. Стюардессы разносят еду. Есть не хочется, икра не прельщает. Стюардесса предложила вина. Выпил. Не по себе - сижу прямо перед гробом, рядом с Курбановым. Рассказываю ему, что знаю о трагедии, мои предположения, кто будет встречать в Дели, что там будет происходить. Индию я знаю, три года проработал там в советском посольстве...

Маршрут пролегает через Пакистан. Капитан просит меня связаться по радио с пакистанскими диспетчерами - их должны были предупредить, но мало ли что... Иду в кабину пилотов, штурман уступает мне место. Набрасываю фразу по-английски, медленно зачитываю: «This is Soviet aircraft IL-18 number... carrying the body of prime-minister of India, late Lal Bahadur Shastri, to Delhi. Over.» Связь плохая, треск, повторяю несколько раз. Наконец, пакистанский диспетчер подтверждает: «IL-18, I hear you, roger (т.е. понял)...»

Мы над Индией. После зеленых полей Узбекистана, заснеженных вершин Гиндукуша под нами выжженная индостанская равнина. Время около 14.30, снижаемся. Самолет пролетает низко над делийским аэродромом Палам. Садиться опасно: тысячи людей в белом (это траурное одеяние индийцев) стоят впрытик к посадочной полосе; видно, как полиция оттесняет их. Второй заход. Смотрю через иллюминатор: президент Радхакришнан, министр информации Индира Ганди, члены правительства, много военных...

На борт, обнявшись с министром Чаваном, поднимается сын премьера Хари Кришна. Он падает на колени перед гробом, плачет. Индийские военные выносят гроб. Курбанов спрашивает меня, что сказать Индире Ганди. Мое мнение - лучше промолчать. Спускаемся по трапу, Курбанов обращается к Индире: «Как вы поживаете?» Это я переводить не буду. Она молча смотрит на нас, заплаканная.

Я предлагаю Курбанову отойти, держаться в сторонке, подождем Косыгина. Он кивает. Трудно смотреть в глаза знакомым индийцам. Странное ощущение, будто мы виноваты в смерти Шастри...

Через несколько минут приземляется наш главный Ил. Мы все едем в резиденцию премьер-министра, по улице Джанпат 10. В небольшом одноэтажном здании, в просторной гостиной, в окружении десятков людей, стоит открытый гроб, покрытый индийским флагом и обрамленный яркожелтыми и красными цветами. Рядом на полу на корточках примостилась Лалита, вдова Шастри, красивая женщина средних лет. По-английски она не говорит, только на хинди. Она приподнимается. Алексей Николаевич молча обнимает ее, в глазах у обоих слезы.

На следующий день 12 января в 6.45 утра мы выехали из советского посольства и присоединились к траурной процессии. Машина Косыгина одна из первых. За ней следует вице-президент США Хьюберт Хамфри. Его автомобиль пешком сопровождают шесть американских телохранителей. Один из них мне потом рассказал, что шеф срочно прервал визит на Филиппины, не успел устроиться, чемодан возит в машине. В процессии и лорд Маунтбэттен (в 1947 году он, как последний английский «вице-король» колониальной Индии, председательствовал на церемонии провозглашения независимости), зарубежные министры, послы. По обочинам дороги тысячи людей, возгласы «Шастри амар рахен!» (будет жить вечно)...

Кремация состоится на Виджай Гхат, специально подготовленном месте, где впоследствии был воздвигнут памятный монумент. Сын Шастри зажигает огромный погребальный костер, священнослужители читают молитвы... Неподалеку, в реку Джамна через несколько дней будет сброшен весь пепел: элементы нас составляющие вернутся в природу. Таков индусский, вполне материалистический обычай. Присутствовавшие на печальной церемонии, наверное, размышляли о вкладе Шастри. Он умер, заключив историческое соглашение с Пакистаном. Во многом – это дело его жизни. Не оставил ни собственности, ни денег, никаких материальных благ. Только добрую память. Ему был 61 год.

Главный вопрос для Индии, да и для нас: кто возглавит правительство? Неру давно приметил Шастри как своего преемника. Теперь Индира Ганди? Только она обладает авторитетом и аурой, чтобы успокоить страну и вести ее дальше. Договоренность в Ташкенте снизила накал страстей и ненависти к Пакистану, но смерть Шастри всколыхнула подспудную неприязнь. «Айюб его отравил!» - вот негласное мнение миллионов индийцев.

Косыгин, посол Бенедиктов и другие собрались в защищенном помещении посольства обсудить содержание шифротелеграммы в Москву. Мы с Виктором тоже присутствовали, готовые воспроизвести детали бесед в Ташкенте, если потребуетеся. Блокноты с рукописными записями при нас. Алексей Николаевич говорит кратко, пункт за пунктом. Он сразу ухватывает главное: подозрения Индиры Ганди в отношении Айюб Хана удалось развеять в первых же беседах в Дели: Шастри не отравили, смерть была естественной. Коллеги Шастри нам поверили, но вот оппозиция... Мы убедили Индиру, что Шастри не принимал последние решения единолично (например, уход с захваченных перевалов, из-за них конференция могла бы сорваться), он советовался со своей делегацией, они решали вместе. Его роль в Ташкенте была конструктивной.

Далее: основные положительные моменты ташкентских договоренностей и подводные камни. Прежде всего Кашмир: хотя Шастри отрицал наличие проблемы, она существует, и еще даст о себе знать... Вызовы, встающие перед Индирой в предстоящие месяцы... Хотя было несколько претендентов на высший пост (в т.ч. правый политик Морарджи Десаи), в индийском руководстве быстро пришли к выводу, что именно она должна возглавить правительство, стать фактором сплочения в трудный час. Она не была морально готова стать премьером и не желала этого, но все знали, что ее отец Джавахарлал Неру давно готовил ее к политической карьере, а, возможно, и мечтал, что когда нибудь она станет его преемником... В том числе в плане продолжения близких отношений с Советским Союзом... И она это подтвердила в наших беседах...

Курбанов, Косыгин и Шастри на заключительном приеме

Косыгин диктовал тезисы телеграммы, советник посольства клал их на бумагу. Сидя с краюшку стола, я слушал и не устал поражаться четкости и лаконичности его анализа.

В памяти всплывали несуразные воспоминания... Первый визит Шастри в СССР в мае 1965 года, посещение Москвы и Ленинграда... Прилетели мы тогда в Ташкент. Я сижу с ним в открытой машине, медленно едем по узкому шоссе. Слышны возгласы: «Ой, какой маленький ... Какой старенький...» Я перевожу: «They are saying how handsome you are». Заместитель Косыгина Вениамин Дымшиц поясняет: «У нас люди не допускают недружественных высказываний...» Отчетливо слышу, как развалившийся на травяном склоне парень громко говорит: «Здорово, чувак!»... Когда я попросил у Шастри автограф, он удивился - зачем? Но программу своего визита подписал...

Трагическая неожиданность ввергла Индию в кризис, но быстро выдвинулся новый лидер. Наступили времена Индиры Ганди, удивительно похожей на Шастри по характеру: непритязательной,

немногословной, вдумчивой и мудрой женщины. Вакуума власти после смерти Шастри не получилось. Индира Ганди была, по выражению тех лет, «прогрессивным» деятелем, преданной курсу неприсоединения и разделявшей идеи отца об индийском пути к социализму. Главное, доверявшей Советскому Союзу, на чью поддержку она всегда рассчитывала. Правда, она расходилась с нами в оценке намерений Пакистана. Считала наивными наши надежды на отсоединение его от США и Китая (оказалась права). Несмотря на недовольство американцев и попытки их влияния на Индию заключила с СССР в 1971 году договор о мире, дружбе и сотрудничестве...

По пути домой 14 января мы сделали остановку в Кабуле, по просьбе короля Афганистана Мухаммеда Захир-шаха. Ночевали во дворце (это тот самый «дворец Амина», который будет штурмовать наш спецотряд в конце декабря 1979 года). Работы у меня не было. Поприсутствовал на официальном ужине, где беседа переводилась на пушту. Смотрел на пожилого короля. Подумал: а ведь мы, можно сказать, знакомы. В 1940 году мой отец (он был тогда вторым секретарем посольства) взял меня-ребенка в горы учить кататься на лыжах. Вдруг видим молодого лыжника, которого быстро тянет на вожжах красивый скакун. За ним свита, на конях. Король останавливается, спрашивает, кто такие, говорит с папой, хвалит меня... Съездил я посмотреть старое советское посольство недалеко от старинной мечети. Там теперь оказались солдатские казармы. Через ворота увидел древнюю чинару, под которой когда-то играли посольские дети... В 1941 году сюда наведлся Субхас Чандра Бос, один из руководителей освободительной борьбы индийцев против Англии. Посол его не принял (не хотел обидеть англичан, потенциальных союзников), и он отправился через дорогу в немецкое посольство искать поддержку. Позже бежал из Индии от английской полиции, был вывезен на немецкой подводной лодке в Японию. Погиб при невыясненных обстоятельствах. Читается индийцами как национальный герой, в одном ряду с Неру и Шастри...

Я не досидел до конца обеда, пошел отсыпаться. Слуга угостил меня свежим гранатовым соком. Комната была темной и мрачной, а ванна отделана черным мрамором, напомнившим мне Виджай Гхат. На следующее утро мы покинули Кабул. Наш Ил-18 оторвался от земли и стал круто подниматься вверх, кругами. Долина скрылась из виду.

По прилете во Внуково-2 на борт самолета поднялся офицер-пограничник. Попросил дать ему все паспорта, он их быстренько проштемпелюет. Немногочисленные пассажиры рассмеялись, ни у кого паспортов не было. Да и багажа тоже, за исключением картонных коробок с орехами, которыми снабдил каждого в дорогу афганский король.

А что же славный «город хлебный» Ташкент? 26 апреля того же 1966 года там произошло страшное землетрясение. Хотя жертв было немного, треть населения лишились крова. Город отстраивал весь Советский Союз. Он стал еще красивее.

Радость Косыгина по поводу успеха в Ташкенте была поспешной. Конференция подогрела ревность Брежнева, который быстро входил во вкус международной политики. Косыгин постепенно отстранялся от переговоров с мировыми лидерами. В конце концов он вынужден был уйти в отставку. Покинутый многими соратниками он болел и скончался в 1980 году.

Судьба отвела Ташкентской Декларации не так много времени. Она оказалась временным компромиссом, который мог бы открыть новую мирную страницу в отношениях двух ведущих государств Азии. Это был и образцовый пример международного посредничества. Однако если у сторон нет политической воли выполнять подписанные обязательства, они ничего не будут стоить.

Через три года после смерти Шастри, в 1969 году, Айюб Хан был вынужден, под давлением оппозиции, ведомой Бхутто, передать власть другим военным. В том же году, больной, он скончался. В 1971 году на Индостанском полуострове вспыхнул новый военный конфликт, в результате от Пакистана откололась восточная часть, где было провозглашено государство Бангладеш. Симпатии

Дели были на его стороне. Это еще больше отравило индийско-пакистанские отношения.

Бхутто, политический ястреб, противившийся линии Айюба на примирение с Индией, побывал и премьером, и президентом. Пытался теснее сблизиться с США и Китаем. Это ему не помогло: в 1979 году попал под суд за организацию политического убийства и закончил жизнь на виселице. Его дочь Беназир Бхутто тоже избиралась премьером, но и ей был сужден трагический конец: была убита в 2007 году джихадистами.

А в 1984 году Индира Ганди сама пала жертвой от рук ее охранников, оказавшихся сикхскими религиозными радикалами. Ее сын Раджив, занявший высокий пост после ее кончины, погиб в 1991 году в результате взрыва, устроенного террористом.

Перемирия, новые встречи и соглашения лишь на время сбавляли напряженность страстей на индийском субконтиненте. Отношения Индии и Пакистана оставались натянутыми. Да и опасными: оба государства, вопреки международным соглашениям, стали обладателями ядерного оружия. Думаю, многолетний фон нетерпимости в регионе и политические убийства содействуют тому, что экзотические легенды о заговоре в Ташкенте продолжают циркулировать. Через несколько месяцев после печального события индийский МИД обратился в наше посольство в Дели с неожиданной просьбой: провести анализ продуктов питания, которые подавались на стол в резиденции Шастри в Ташкенте. Посольство вежливо объяснило, что выполнение данной просьбы уже нереально. К тому же у нас соблюдается строгий порядок проверки еды, подающейся иностранным руководителям.

В 1977 году индийское правительство учредило комиссию Радж Нарайна для расследования обстоятельств смерти Шастри. В печати были сообщения о подозрительных инцидентах с важными свидетелями, направлявшимися на заседание комиссии: доктор Чугх погиб в автомобильной катастрофе, а личный повар Шастри был серьезно ранен при аварии другого автомобиля. Выводы комиссии, насколько я знаю, не публиковались. В свое время вдова

и сын премьера выражали сомнения в правдивости официальной версии его кончины. В апреле 2019 года в Индии вышел документально-игровой фильм «Tashkent Files», в котором выдвигается версия об умерщвлении Шастри с участием КГБ!

Мнения ведущих врачей Индии все-таки сходятся с выводами советских коллег: как было записано в совместном медицинском заключении, симптомы его состояния в ту драматичную январскую ночь «аналогичны тем, которые проявляются при остром сердечном приступе, и меры медицинской помощи соответствовали принятым стандартам того времени». Заключение, подписанное 11 января 1966 года Чугхом и Ариповым и еще семью советскими врачами, остается единственным авторитетным документом.

Однако легенда об убийстве Шастри продолжает жить, подобно всем конспирологическим теориям, не признающим ни фактов, ни выводов медиков, ни рассказов свидетелей.

Несколько лет назад я принимал участие в одной международной конференции в Дели, где давно начинал свой профессиональный путь. Было намерение и поработать в прекрасной библиотеке мемориальной резиденции Джавахарлала Неру. Посол Александр Кадакин, выдающийся индолог и старый друг, любезно предложил мне задержаться на два-три дня после конференции, остановиться в жилом городке посольства.

Я решил посетить дом-музей Шастри. Побродил по скромно обставленным комнатам. На стенах фотографии. На одной Шастри рядом с Косыгиным (там и я – переводчик). Подпись под фото гласила: «Lal Bahadur Shastri and Leonid Brezhnev, Tashkent, 1966». Я зашел к директору музея. Он удивился, но обещал исправить ошибку. «А пакистанцы все-таки его отравили», - вдруг вымолвил он. Я возразил, я же там присутствовал... Он промолчал.

Кадакину тогда понравилась моя идея восстановить обстоятельства смерти Шастри и все перипетии Ташкентской конференции. «Обязательно пришлешь мне свое исследование», сказал он. Увы, я не успел: в январе 2017 года он неожиданно скончался в делийском госпитале от сердечного приступа. Ему было 65.

«ЛЕВ РЕВОЛЮЦИИ» В КОНТЕКСТЕ «СТРАННОЙ ВОЙНЫ»

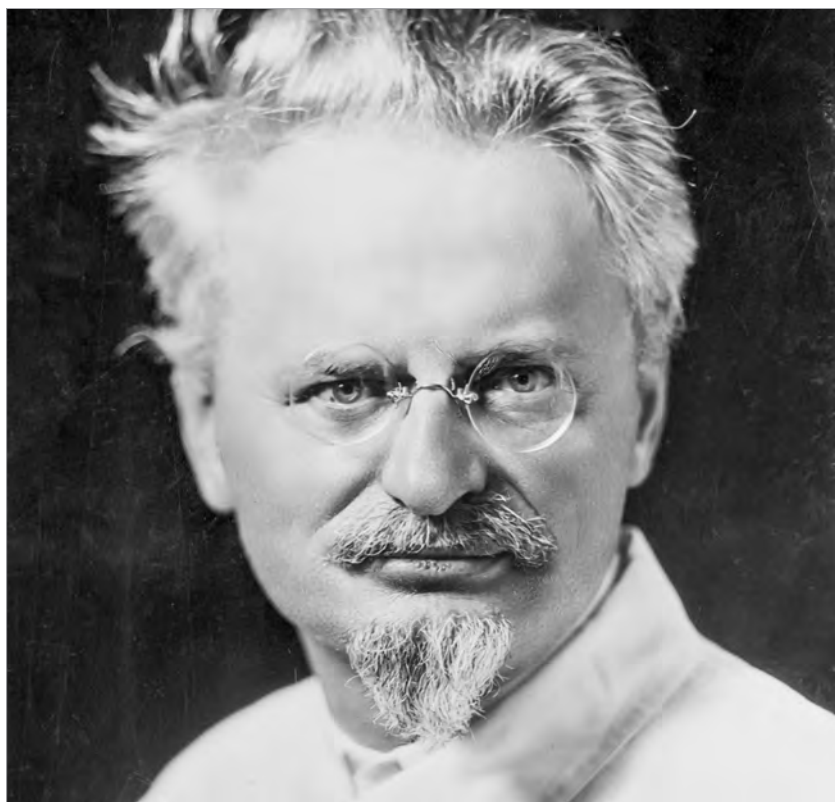
Олег Вишнёв

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА гибели Л.Д.Троцкого давно привлекают внимание исследователей. Ни для кого не секрет, что Р.Меркадер, нанеший 20 августа 1940 года смертельный удар альпенштоком вождю IV Интернационала, был не просто фанатиком-одиночкой, а орудием в руках органов госбезопасности СССР¹. Однако, зная детали операции по устранению Троцкого и имена людей, которые ее подготовили и провели, нельзя сказать, что в этом деле все до конца ясно. Прежде всего, следует основательно разобраться в вопросе, какие конкретно обстоятельства обусловили гибель Троцкого.

Вряд ли можно признать убедительной широко распространенную в литературе версию (она нашла наиболее яркое отражение в работах Д.А.Волкогонова), согласно которой Сталин и его окружение еще в середине 1920-х годов тайно вынесли Троцкому смертный приговор. По их распоряжению спецслужбы ОГПУ - НКВД с первых дней пребывания Троцкого за границей (выслан из СССР в феврале 1929 г.) якобы вели на него охоту и в августе 1940 года привели приговор в исполнение.

Эта версия при всей ее, казалось бы, внешней логичности порождает целый ряд вопросов, на которые невозможно дать

Олег Вишнёв - кандидат исторических наук.

Лев Троцкий

вразумительный ответ. Предположим, что участь Троцкого была действительно давно предreshена. Но не проще ли было в этом случае устранить его в СССР, инсценировав, к примеру, какой-нибудь «несчастный случай», а не высылать за границу, где ликвидация такой заметной фигуры могла быть сопряжена с проблемами и вызвать международный скандал? Если все же допустить, что устранение Троцкого планировалось провести после того, как он окажется за рубежом, то как тогда объяснить, что это было сделано лишь на двенадцатом году его изгнания? Трудно представить, что соответствующим службам могли быть даны неограниченные сроки для выполнения задания. Долготерпение Кремля выглядит и вовсе необъяснимым, если принять во внимание то обстоятель-

ство, что уже с первых дней пребывания Троцкого за границей было ясно, что он ни за что не капитулирует, а будет еще яростнее атаковать Сталина, его окружение и Коминтерн.

С «технической» точки зрения проведение теракта против Троцкого для советских спецслужб, думается, не представляло особой трудности. Первые десять лет пребывания за границей (в Турции, Франции, Норвегии и два первых года жизни в Мексике) Троцкий, как он сам признавал, не имел сколько-нибудь серьезной охраны². Лишь в 1939 году он укрылся в доме на улице Вены в Койоакане, одном из районов Мехико, который его сторонниками и мексиканской полицией был превращен в настоящую крепость. Однако ни высокая бетонная стена, ни прожектора и сложная система сигнализации, ни взвод охраны его не спасли. Когда потребовалось, его достали и в крепости. И вновь нельзя не задать вопрос: почему Троцкого не трогали, когда устранить его было относительно несложно, а активность начали проявлять тогда, когда условия стали, в общем-то, неблагоприятными?

К сказанному следует добавить еще одно соображение. Если верить документам, преданным огласке в последние годы, Троцкий долгое время, по крайней мере с 1933 года, находился «под колпаком» ОГПУ - НКВД. В его собственном окружении и окружении его сына Л.Л.Седова постоянно находились агенты советской разведки, благодаря которым Москва была в курсе того, где конкретно находится Троцкий, кто и как его охраняет, что он делает и даже что он намерен в ближайшем будущем предпринять и опубликовать³. При наличии такой информации проведение «акции» не представляло проблемы. Тем не менее до 1940 года ничего не предпринималось.

Ответ на все эти вопросы заключается, по-видимому, в том, что до 1939 года, а скорее всего даже до января 1940 года, никаких решений о физическом устранении Троцкого принято не было и никаких распоряжений на этот счет советские спецслужбы не получали. Легенда о смертном приговоре, вынесенном еще в середине 1920-х годов, вышедшая из-под пера самого Троцкого⁴, ничего общего с тем, что было на самом деле, не имеет. В равной

степени представляется несоответствующей действительности и модификация этой версии, появившейся в российской литературе, согласно которой распоряжение «огреть по голове» Троцкого Сталин якобы отдал в 1931 году, а руководители НКВД Г.Г.Ягода, Н.И.Ежов и многие их сотрудники заплатились жизнью не в последнюю очередь за то, что не смогли выполнить эту волю вождя⁵.

Читатель, знакомый с трудами Троцкого, возразит: как же быть с теми случаями, когда жизни изгнанника в 1930-е годы действительно угрожала опасность? Ведь сам Троцкий однозначно оценивал имевшие место инциденты как дело рук Кремля.

Оставим эти оценки на совести их автора, который в пылу политической борьбы готов был возложить ответственность за все, что случалось с ним, и вообще за все, что происходило в мире, на Сталина, Коминтерн и их агентов. Как будто не было ни белогвардейцев, у которых к Троцкому еще со времен гражданской войны в России был особый счет, ни фашистских организаций, проявлявших к Троцкому и его соратникам повышенный «интерес», ни испанских республиканцев, горевших жадой мести Троцкому и его окружению за стоившее огромных жертв восстание в тылу республиканских войск в Барселоне, которое ПОУМ, организация троцкистской ориентации, подняла в мае 1937 года.

Напомним о трех наиболее известных «покушениях советских спецслужб» на Троцкого в 1930-е годы.

Осенью 1931 года, когда Троцкий пребывал на территории Турции, против него действительно замыслился теракт. Но планировался он не агентами ОГПУ, а белогвардейской организацией под руководством генерала А.В.Туркула, того самого, который во главе казачьей бригады будет впоследствии воевать в рядах вермахта против СССР. Советскому правительству стало известно о подготовке покушения. Казалось бы, если в Москве Троцкому был вынесен смертный приговор, то стоило ли мешать его приведению в исполнение, тем более что это было бы сделано чужими руками. Однако руководство СССР предало планы белогвардейцев огласке и тем самым спасло Троцкому жизнь. А что же Троцкий? Он ухитрился представить случившееся как плод коварной политики

Кремля. «ГПУ способно одной рукой подталкивать белогвардейцев к покушению, через своих агентов-provokаторов, а другой рукой разоблачить их, на всякий случай, через органы Коминтерна»⁶, – заявил он. Разъяснять ключевой «аргумент» этого, прямо скажем, абсурдного объяснения происшедшего, выраженный в словах «на всякий случай», Троцкий не считал необходимым.

5 августа 1936 года на квартиру Троцкого в Норвегии совершили налет квислингисты. Убийство Троцкого в их планы не входило, да это было и невозможно, поскольку Троцкий находился в отъезде. Налетчики рассчитывали добыть материалы, которые позволили бы им скомпрометировать правительство норвежских лейбористов, разрешившее Троцкому пребывание в стране. В Норвегии в это время шла острая предвыборная борьба и «карта Троцкого» активно разыгрывалась правыми силами. Не исключено также, что норвежские фашисты действовали по указке из Берлина. Имеются убедительные документальные подтверждения того, что копия единственного изъятого налетчиками документа (письма Троцкого французским единомышленникам) была сразу же передана в германскую миссию в Осло, а оттуда прямым путем переправлена на Вильгельмштрассе⁷. Хотя норвежские власти, расследовавшие данный инцидент, ясно заявили, что говорить о причастности к нему Москвы нет никаких оснований, Троцкий настойчиво повторял, что налетчики рассчитывали учинить над ним расправу, что случившееся – дело рук ОГПУ и, может быть, даже плод сотрудничества последнего с гестапо⁸.

Нельзя не отметить, что устраивать такую шумную «выемку» корреспонденции из квартиры Троцкого для советских спецслужб не имело никакого смысла. В период пребывания Троцкого в Норвегии они имели возможность, используя агентурные каналы, знакомиться со всей его текущей перепиской.

Наконец, третий случай. В 1938 году у ограды дома Троцкого в Койоакане (тогда он еще проживал на улице Лондона) прогремел взрыв. Незадолго до этого к воротам подходил посыльный с подарком для хозяев. Охране он показался подозрительным, и его не пустили. Троцкий не сомневался, что впоследствии взорвался именно

этот «подарок», и заявил, что это была попытка покушения на его жизнь, организованная Москвой⁹. Но зададим вопрос: даже если действительно посыльный пытался внести в дом Троцкого бомбу, то почему после того, как сделать это не удалось, она была взорвана у ограды? Ведь было ясно, что Троцкий не пострадает, что его охрана после взрыва будет только усилена, и в следующий раз организовать покушение будет значительно сложнее. Взрыв в Койоакане походил не на покушение, а скорее на предостережение, адресованное не только, а, может быть, даже не столько Троцкому, сколько правительству Мексики. Известно, что мексиканские коммунисты настойчиво добивались высылки Троцкого из страны. Отчаявшись повлиять на позицию правительства Л. Карденаса с помощью петиций и демонстраций, некоторые горячие головы вполне могли решиться на этот крайний шаг в надежде дать понять, что вопрос стоит весьма остро и его решение не терпит отлагательства. Настроения, царившие в те дни в среде мексиканских коммунистов, многие из которых только что вернулись с фронтов гражданской войны в Испании и были потрясены событиями в Барселоне, ярко отражены в воспоминаниях знаменитого мексиканского художника Д.А.Сикейроса, который принимал самое непосредственное участие в борьбе против Троцкого в 1938–1940 годы¹⁰.

Нельзя не затронуть и еще один аспект версии об имевшей якобы место в 1930-е годы охоте советских агентов за «головой Троцкого». Не имея необходимых доказательств, ее сторонники обычно указывают на исчезновение или гибель нескольких соратников Троцкого и преподносят это как свидетельство намерений советских спецслужб расправиться и с ним самим. Но если принять этот аргумент, то придется признать, что агенты НКВД действовали весьма странным образом: они охотились за Троцким почему-то не в Мексике, где он проживал с января 1937 года (что ни для кого в мире не являлось секретом), а в Европе: в охваченной гражданской войной Испании, Франции и Швейцарии. Сторонники Троцкого, которых обычно упоминают в этой связи, пропали без вести или погибли в период с лета 1937 года по лето 1938 года именно там, а не рядом со своим лидером. Лидер ПОУМ А.Нин, австриец К.Ландау и сын российского эмигранта-меньшевика Р.А.Абрамовича М.Райн без вести пропали в Испании. Л.Л.Седов скончался в феврале 1938 года в одной из парижских частных клиник после операции аппендицита. Р.Клемент, секретарь Троцкого в Турции и Франции, при невыясненных обстоятельствах погиб в Париже в июле 1938 года. Наконец, И.Райсс (И.Порецкий), один из руководителей агентурной сети НКВД в Западной Европе, отказавшийся возвращаться на Родину и установивший связь с Троцким, был найден убитым в окрестностях Лозанны в сентябре 1937 года.

Следует отметить, что ответственность советских спецслужб за смерть либо исчезновение многих из вышеназванных людей не установлена. С большей или меньшей степенью уверенности можно говорить только об их причастности к гибели Райсса и Нина¹¹. Первый был ликвидирован как изменник, второй – как руководитель вооруженного восстания в тылу республиканских войск. В остальных случаях существуют лишь предположения, что не обошлось без участия советских агентов. Что касается смерти Седова, то здесь нельзя исключать возможность действительно несчастного случая. Согласно официальному заключению французских медиков, Седов страдал хронической болезнью ки-

шечника, которая после операции начала быстро прогрессировать и стала причиной его кончины¹².

Среди «жертв» НКВД называют также гражданина Чехословакии Э.Вольфа, секретаря Троцкого в Норвегии, который бесследно исчез в Испании. Однако, согласно сообщению германской разведки, поступившему в Берлин в феврале 1938 года, Вольф еще летом 1937 года бежал из Испании и обосновался в Брюсселе, намереваясь в дальнейшем перебраться в Нидерланды¹³. Нельзя исключать, что Ландау и Райн, подобно Вольфу, тоже предпочли убраться из «горячей точки» и «затеряться» в других странах, начав другую жизнь.

Как мы видим, аргументы, на которых строится версия о якобы непрерывной охоте ОГПУ - НКВД за Троцким с момента его высылки из СССР, нельзя признать бесспорными. Действительно, бывали моменты, когда Троцкому приходилось скрывать свое место жительства, менять адреса, как он это делал во Франции. Но эти шаги предпринимались им, прежде всего, для того, чтобы сбить со следа членов правых организаций и буржуазную прессу, контакт с которыми мог закончиться скандалом, шумной политической кампанией и привести к высылке из страны. Это, нужно сказать, в конечном счете, и произошло, как во Франции, так затем и в Норвегии.

Говорить о подготовке советскими службами акции против Троцкого, приводя тому доказательства, можно начиная лишь с рубежа 1939 - 1940 годов. Именно в это время, как теперь известно, руководство НКВД приняло решение о проведении операции «Утка» (устранение Троцкого) и направило в Мексику со специальным заданием группу своих сотрудников во главе с Н.И.Эйтингоном.

Как развивались дальнейшие события, хорошо известно. В ночь на 24 мая 1940 года на дом Троцкого в Койоакане совершила налет группа боевиков, которой руководил Сикейрос. В операции принимал активное участие также советский нелегал И.Р.Григулевич¹⁴. Нападавшие буквально изрешетили огнем спальню Троцкого. Однако тот остался жив и даже не получил

ранений. После этого была начата реализация запасного варианта операции, в котором ключевая роль отводилась Меркадеру. 20 августа 1940 года он нанес Троцкому удар альпенштоком по голове. Рана оказалась смертельной. На следующий день Троцкий скончался.

Детали этих покушений подробно описаны в литературе, и потому мы их не излагаем. Для нас важно констатировать факт, что активные шаги, направленные на устранение Троцкого, советские спецслужбы начали предпринимать лишь с конца 1939 - начала 1940 годов.

Возникает закономерный вопрос: что же должно было произойти, чтобы они получили соответствующий приказ? Объяснение этому, которое можно встретить в литературе, - Сталин, дескать, был очень встревожен сообщениями о подготовке Троцким книги о нем (версия, которую вслед за западными исследователями повторил Волкогонов) - нельзя признать убедительным. К этому времени Троцкий уже столько всего написал о Сталине, что очередное произведение вряд ли могло прибавить что-то новое к созданному им образу кремлевского руководителя. Если следовать этой логике, то придется признать, что покушения на Троцкого должны были устраиваться после каждой его книги или статьи, в которых он нелицеприятно отзывался о Сталине. Но ничего подобного не происходило. К тому же, как известно, выход книги Троцкого «Сталин» планировался еще в 1938 году, и поэтому следовало бы ожидать (если книга была первопричиной), что еще тогда должны были быть предприняты активные действия по его устранению.

Причины, очевидно, заключались в другом. Они лежали не в сфере публицистической деятельности Троцкого, какой бы политически острой она ни была, а в области «реальной политики».

Мы не беремся категорически утверждать, что те обстоятельства, о которых речь пойдет ниже, являлись единственной причиной гибели Троцкого. Однако обнаруженные в Политическом архиве Министерства иностранных дел Германии документы позволяют выдвинуть предположение, что его гибель, вероятнее все-

го, была обусловлена непосредственным и активным вовлечением троцкизма, как политического течения, и самого Троцкого, как лидера этого течения, в антисоветскую политику великих держав на начальном этапе Второй мировой войны.

Напомним высказывание, содержащееся в воспоминаниях Сикейроса, которое авторы, касающиеся вопроса о причинах гибели Троцкого, почему-то оставляют без внимания. Сикейрос, как нам представляется, предельно ясно изложил мотивы, которыми руководствовался он и его товарищи, совершая нападение на штаб-квартиру Троцкого. Он писал: речь шла уже не о мщении за «подлый мятеж, организованный ПОУМ в Барселоне», а о том, чтобы «воспрепятствовать яростной пропаганде, которая велась из штаб-квартиры Троцкого, якобы с истинно марксистских, пролетарских позиций против Советского Союза». К этому моменту «стало совершенно ясно», что троцкизм мог оказать определенные услуги «возможной агрессии объединенных империалистических сил против первой страны социализма. Наше стремление ликвидировать этот контрреволюционный политический центр отвечало самой динамике развития международной обстановки, характеризующейся возрастанием угрозы войны против СССР»¹⁵.

О каких возможных услугах троцкистов «империалистическим силам» велась речь?

На протяжении 1930-х годов Троцкий и его сторонники вели непрерывные атаки на советское руководство и Коминтерн. Цель этих атак, какие бы обвинения в адрес Сталина, лозунги и теоретические постулаты ни выдвигались, была, в общем-то, одна - добиться отстранения от власти в СССР умеренного крыла большевистской партии во главе со Сталиным, перехода власти в руки ультралевых сил во главе с Троцким, выступавших под лозунгом «перманентной революции», и подчинения этим силам международного коммунистического движения. Однако добиться успеха троцкистам не удалось. Потенциал «левой оппозиции» в СССР и руководстве Коминтерна путем репрессий был существенно ослаблен. Троцкизм не сумел завоевать на свою сторону большинство членов уже действующих компартий и широкие массы в СССР и на Западе. На ультра-

левые лозунги поддалась в основном лишь часть коммунистической молодежи, которая и составила основу самостоятельных партий троцкистской ориентации, возникших во Франции, Бельгии, Нидерландах, Великобритании и в целом ряде других стран.

Наращение угрозы новой мировой войны порождало у Троцкого и его сторонников большие надежды на то, что достичь поставленной цели им все же удастся. Подобно тому, как Первая мировая война вызвала мощный подъем революционного движения, новая война, полагали троцкисты, вызовет революционный взрыв во многих странах, а, может быть, даже в мировом масштабе. В условиях войны, предрекали они, партии Коммунистического Интернационала, как в свое время партии II Интернационала, неизбежно скатятся на позиции национал-патриотизма, а пролетариат отвернется от них и окажет поддержку «подлинно революционным партиям» - организациям троцкистской ориентации. Именно в ожидании такого развития событий Троцкий и его сторонники в 1938 году форсировали создание IV Интернационала, заявив, что под его руководством в самом ближайшем будущем «революционные миллионы смогут штурмовать небо и землю».

Война и мировая революция должны были, по мысли Троцкого, стать очистительным огнем и для социализма в СССР, освободить его от оков «бюрократического абсолютизма» Сталина. Декларируя необходимость защиты «экономических основ СССР», Троцкий в то же время подчеркивал, что «спасти СССР для социализма может только международная революция», а значит, его вовлечение в войну. Именно война приведет к «политической революции» в Советском Союзе¹⁶.

Советско-германский договор о ненападении, позволивший СССР остаться вне войны, нанес очень чувствительный удар по расчетам Троцкого и его сторонников. Неслучайно он подвергся резким нападкам с их стороны. Нельзя не отметить, что троцкисты и по сей день остаются его яркими критиками. В серии статей, опубликованных в «Бюллетене оппозиции», главном печатном органе Троцкого, и на страницах западной прессы, троцкисты резко

критиковали договор и пытались доказать, что Советский Союз является не нейтральным государством, а военным союзником Гитлера¹⁷. Особенно отчетливо такая позиция проявилась в период советско-финляндской войны. В статье, опубликованной в январе 1940 году в американском журнале «Liberty», Троцкий прямо заявил: «Кремль впрягся в повозку германского империализма, и враги Германии стали тем самым врагами России. До тех пор, пока Гитлер силен, — а он очень силен, — Сталин будет оставаться его сателлитом»¹⁸.

Такие заявления имели явно провокационный характер, тем более что делались они в условиях, когда в Англии и Франции обсуждался вопрос, как дальше строить отношения с СССР, и имелись очень влиятельные политические силы, которые были готовы использовать советско-финляндскую войну для оказания нажима на Советский Союз и даже для нанесения по нему военного удара. В частности, планировалось произвести бомбардировку и, возможно, оккупацию нефтяных центров СССР в Закавказье и направить в Финляндию 150-тысячный экспедиционный корпус. Рассматривалась также возможность последующего переноса боевых действий с территории Финляндии в северо-западные районы СССР. Военный нажим должен был, по расчетам западных стратегов, побудить Кремль изменить свой внешнеполитический курс, встать на путь сотрудничества с англо-французской группировкой и объявить войну Германии. Рассматривался и другой вариант, которого, кстати говоря, в Москве опасались больше всего. Объявление Англией и Францией войны Советскому Союзу могло привести к заключению ими мира с Германией (на Западе все еще продолжалась «странный война» и шел активный поиск путей достижения мирного соглашения с «третьим рейхом») и их совместному выступлению против СССР¹⁹. Именно эту «возможную агрессию объединенных империалистических сил» и имел в виду Сикейрос в своих воспоминаниях.

Цели троцкистов и руководителей англо-французской коалиции — добиться вовлечения СССР в войну — в этот период

совпали. Именно это, по-видимому, и подтолкнуло политиков в Лондоне и Париже к мысли о необходимости и возможности использования Троцкого и его сторонников в своих интересах. С помощью троцкистов рассчитывали организовать в СССР политический переворот и отстранить от власти Сталина. Рассматривалась возможность переброски в СССР и самого Троцкого, который должен был возглавить «революционное движение». У тех, кто строил такого рода планы, перед глазами, очевидно, был пример действий германского правительства в 1917 году, когда оно поспособствовало возвращению в Россию В.И.Ленина и его сподвижников. В результате революции, которую они совершили, Россия вышла из войны, и Германия была избавлена от необходимости вести борьбу на два фронта²⁰. В конце 1939 – начале 1940 годов политики в Англии и Франции тем же способом, но уже с помощью Троцкого, рассчитывали решить прямо противоположную задачу – втянуть СССР в войну и поставить Германию перед необходимостью вести борьбу на два фронта.

Нельзя не отметить, что мысль об использовании Троцкого в борьбе против СССР в этот период возникала не только у политиков Англии и Франции. В декабре 1939 года Государственный совет Финляндии, например, открыто обсуждал вопрос о формировании «русского альтернативного правительства» во главе с Троцким или А.Ф.Керенским²¹.

Приведем выдержки из двух документов, хранящихся в Политическом архиве Министерства иностранных дел ФРГ.

Германский консул в Женеве сообщал в отдел военной разведки внешнеполитического ведомства в Берлине:

«Германское консульство

Женева, 8 января 1940 г.

К № 62

... В связи с изложенными в предыдущих сообщениях сведениями о концентрации войск (англо-французских. – О.В.) в Сирии, вероятно, будут представлять интерес также следующие сообщения и слухи, которые переданы сюда агентами из Франции и Женевы. Согласно им, Англия намерена нанести внезапный удар

не только по русским нефтяным районам, но и попытается одновременно лишить Германию на Балканах румынских нефтяных источников.

... Агент во Франции сообщает, что англичане планируют через группу Троцкого во Франции установить связь с людьми Троцкого в самой России и попытаться организовать путч против Сталина. Эти попытки переворота должны рассматриваться как находящиеся в тесной связи с намерением англичан прибрать к рукам русские нефтяные источники.

Несколько дней спустя на стол министру иностранных дел Германии Й. фон Риббентропу оберфюрер СС Р.Лукус, ведавший в «личном штабе» министра обработкой информации, поступавшей по агентурным каналам, положил следующее агентурное донесение, поступившее из Женевы:

«Об английских планах относительно нарушения снабжения нефтью Германии и России из Женевы секретно сообщают:

Английская сторона хочет предпринять попытку отрезать русских от нефтяных источников и одновременно намерена в той или иной форме воздействовать на Румынию и, вызвав конфликт на Балканах, лишить Германию поставок нефти. Отрезав СССР и Германию от нефти... (англичане. - О. В.) надеются быстро и радикально решить проблему; предполагается, что в резко ухудшившихся условиях эти страны перейдут к открытой борьбе друг против друга...

Далее английской стороной будет предпринята попытка мобилизовать группу Троцкого, то есть IV Интернационал, и каким-то способом перебросить ее в Россию. Агенты в Париже сообщают о том, что Троцкий с помощью англичан должен будет вернуться в Россию, чтобы организовать путч против Сталина. В каком объеме эти планы могут быть осуществлены, отсюда (из Женевы. - О. В.) судить сложно.

Берлин, 17 января 1940 г.

Л[укус]»22

Сомневаться в достоверности информации, содержащейся в процитированных донесениях, не приходится. «Личный штаб»

Риббентропа тщательнейшим образом перепроверял сообщения внешней разведки и включал их в сводки агентурных донесений для подачи наверх (не только Риббентропу, но и Гитлеру) только в том случае, если их достоверность не вызывала сомнений. Нельзя не отметить также, что информация по другим пунктам, содержавшаяся в процитированных донесениях, полностью соответствовала действительности.

Германские документы, указывающие на планы Англии и Франции в отношении Троцкого и его «группы», не дают ответа на вопрос, насколько был информирован об этих планах сам Троцкий, и каково было его отношение к ним. Вместе с тем имеются основания предполагать, что предложение правительства какой-нибудь великой державы или коалиции держав с их помощью в подходящий момент возвратиться в СССР, чтобы возглавить там борьбу против Сталина, - будь такое сделано - могло быть принято Троцким. Говорить об этом позволяет не в последнюю очередь оценка, которую он давал обстоятельствам возвращения Ленина в Россию. Троцкий однозначно характеризовал действия Ленина как «смелое решение», как умелое использование в интересах революции «ложных надежд» германских властей и считал, что в данном случае имело место «полное соответствие» между целью и средством²³. Империалистические круги можно и нужно использовать, подчеркивал он. При этом требуется лишь, подобно Ленину, твердо стоять на почве революционной программы, не вступать с империалистами «ни в какие политические соглашения» и быть «безусловно честным и преданным по отношению к рабочему классу»²⁴.

В начале 1940 года Троцкий явно готовился к каким-то решающим событиям, о чем говорит составление им политического и личного завещаний. Их содержание представляет несомненный интерес. Знакомство с завещаниями оставляет впечатление, что, готовя их, Троцкий преследовал единственную цель – убедить тех, кто останется жить, в том, что он был до конца верным делу революции и «безусловно честным и преданным по отношению к рабочему классу». «На моей революционной чести нет ни одного пятна, – писал Троцкий. – Ни прямо, ни косвенно я никогда не

входил ни в какие закулисные соглашения или хотя бы в переговоры с врагами рабочего класса... Сорок три года своей сознательной жизни я оставался революционером, из них сорок два года я боролся под знаменем марксизма... Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом. Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности»²⁵.

Обращают на себя внимание слова, которыми он заканчивает свое политическое завещание: «Каковы бы, однако, ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее»²⁶. Какие обстоятельства имел в виду Троцкий: смерть от приступа гипертонии, которой он страдал, самоубийство как способ прекращения физических страданий? Именно на них он делает акцент в своем завещании. Но причем здесь тогда «непоколебимая вера в коммунистическое будущее»? Стоило ли ему, Троцкому, снискавшему себе славу «вождя пролетарской революции», в случае смерти от гипертонии оправдываться и доказывать, что он ушел из жизни как борец-революционер и коммунист? Видимо, нет. Гипертония, как известно, никак не соотносится с политическими взглядами человека. Да и ветхим старцем, которому только и оставалось, что подводить итоги прожитой жизни и составлять завещания, Троцкий отнюдь не был. В ноябре 1939 года ему исполнилось только 60. Он еще чувствовал силу, много работал, был весь в борьбе и планах на будущее, связанных с близкой, как ему казалось, мировой революцией. Само по себе составление политического завещания, в котором настойчиво проводилась мысль о верности идеям коммунизма, могло иметь смысл для Троцкого только в том случае, если он готовился начать чрезвычайно опасное предприятие, а обстоятельства его возможного ухода из жизни были способны бросить тень на него, поставить под сомнение его принадлежность к партии пролетарской революции.

О многом говорит дата составления Троцким завещаний: 27 февраля - 3 марта 1940 года. Именно в эти дни Англия и

Франция ближе всего находилась к объявлению войны Советскому Союзу. Вопрос о посылке в Финляндию экспедиционного корпуса западных держав был практически решен. Часть этого корпуса (французские и польские подразделения) была готова в любой момент погрузиться на суда и высадиться в Северной Норвегии. Лондон и Париж оказывали мощный нажим на правительства Норвегии и Швеции с целью добиться от них согласия на проход войск через их территорию в Финляндию. Полным ходом шла подготовка англо-французского удара по советскому Закавказью²⁷. Одновременно с этим ударом западные державы планировали поднять восстания националистических, сепаратистских сил на Украине, Кавказе и в Средней Азии. К подготовке этих восстаний были привлечены соответствующие эмигрантские организации. Ряд этих организаций еще на рубеже 1939 - 1940 годов обратился к председателствовавшему на 20-й сессии ассамблеи Лиги Наций К.И.Хамбро, председателю норвежского парламента, тесно связанному с политическими кругами Англии, с провокационным требованием принять решение, осуждающее «порабощение Россией малых государств» (под ними понимались, прежде всего, Украина и Грузия)²⁸. Это должно было создать международно-правовую основу не только для официальной поддержки Западом сепаратистских сил в СССР, но и для открытой иностранной военной интервенции против него с целью обеспечения прав и восстановления суверенитета «порабощенных государств».

Английские и французские политики не сомневались в успехе планировавшихся ими военных и политических акций и были твердо убеждены в том, что при первом же серьезном испытании и возникновении экономических трудностей (утрата нефтяных источников, что привело бы к параличу всей советской промышленности и сельского хозяйства) и политических проблем (активизация националистических сил) сталинский режим зашатается, и в СССР начнется внутренняя смута. 22 февраля 1940 года главнокомандующий французской армией генерал М.Г.Гамелен предрекал: «Через несколько месяцев (после приведения в действие планов

Рамон Меркадер

западных держав. - О.В.) СССР может попасть в столь затруднительное положение, что окажется перед лицом полного краха»²⁹.

Троцкий и его сторонники разделяли такой взгляд на СССР, считали, что «правлящая советская верхушка» не пользуется поддержкой со стороны народа, что тот при первой же возможности постарается стряхнуть с себя «иго ненавистной бюрократии», что в СССР сложилась революционная ситуация и достаточно малейшей искры, чтобы там запылало пламя новой гражданской войны. Большие надежды троцкисты возлагали не только на действия внешних сил, но и на националистические настроения населения отдельных республик СССР. Еще в июле 1939 году Троцкий призывал к созданию «единой, свободной и независимой Украины» и предрекал в случае войны «национальные восстания в рамках политической революции»³⁰. В этих вопросах, как мы видим, Троцкий и западные стратеги обнаруживали поразительное единомыслие.

И все же ведущую роль в надвигавшихся событиях в СССР Троцкий и его окружение отводили «левой» оппозиции. Троцкий

был глубоко убежден в том, что она представляет собой мощную силу, и рассчитывал, что в нужный момент по его сигналу она выйдет из подполья и развернет борьбу против Сталина.

Безусловно, оппозиционные настроения в отношении сталинского руководства существовали как в России, так и в других республиках, входивших в состав СССР. Другой вопрос, насколько организованной была эта оппозиция, и каким было влияние на нее Троцкого. Хотя с помощью репрессий в 1930-е годы Кремлю удалось нейтрализовать открытых и часть скрытых и потенциальных сторонников Троцкого, сама по себе проблема оппозиции, как «левой», так и правой, снята не была. Коллаборационизм определенных кругов населения СССР в годы Великой Отечественной войны - яркое тому подтверждение. В Кремле не без основания опасались (и это отчетливо проявилось еще во время судебных процессов 1936-1938 гг.), что Троцкий как лидер и идейный вождь «левых» в кризисной ситуации мог стать ключевой фигурой при формировании более широкого блока «левых» и правых, тем более что многие их лозунги и программные установки совпадали.

Что же касается существования в СССР зимой 1939 – весной 1940 годов организованной «левой» оппозиции, то такая оппозиция, глубоко законспирированная, по всей видимости, все же была. Хотя захват власти был ей не по плечу, она располагала силами, достаточными для того, чтобы организовать отдельные террористические акты и акты саботажа, которые были способны дестабилизировать внутрисоветскую обстановку и иметь серьезные внешнеполитические последствия.

В этой связи представляет интерес секретное послание начальника германской полиции безопасности и СД, направленное 3 апреля 1940 года в Министерство иностранных дел Германии, а оттуда переправленное в германское посольство в Москве. В нем сообщалось, что согласно донесениям из зарубежных агентурных источников, «в последнее время много говорится о леворадикальной оппозиции в СССР». Есть все основания предполагать, что «в Советском Союзе действует леворадикальная

оппозиционная группа, численность которой постоянно растет». Оппозиция «планирует покушение на немцев в Москве с целью добиться изменения внешней политики Советского Союза». В послании подчеркивалось: существует реальная опасность того, что со стороны оппозиции может быть предпринята попытка повторить историю июля 1918 года, когда в Москве был убит германский посланник В. фон Мирбах. Германская служба безопасности не исключала также возможность проведения теракта оппозицией с привлечением «иностранных кругов», которые стали бы «орудием в ее руках». Указывалось, что под «иностранными кругами» следует понимать «левых» из ряда восточноевропейских стран, прежде всего из Чехии. Чешские «левые», отмечала германская служба безопасности, «неоднократно выражали свое крайнее недовольство политикой Сталина», а в последнее время зачастили в советское консульство в Праге, добиваясь, по-видимому, разрешения на въезд в СССР³¹.

Напомним, что среди стран Центральной и Восточной Европы именно в Чехословакии, а также в Австрии и Польше троцкистам удалось в свое время завоевать определенные позиции. Их легальный въезд из этих стран мог являться одним из каналов, по которым должна была осуществляться замышлявшаяся западными политиками переброска в СССР «группы Троцкого».

Отступая от основной темы повествования, отметим, что у германских властей было достаточно оснований для того, чтобы ожидать от «левой» оппозиции в СССР неприятностей, считать ее антигермански настроенной, а саму эту оппозицию связывать с персоной Троцкого. В Берлине хорошо помнили, какую позицию занимал Троцкий в ходе переговоров о заключении Брестского мира и после того, как договор был подписан. Там ее однозначно расценивали как направленную на провоцирование продолжения войны с Германией³². Не забывали в Берлине и о том, что убийца Мирбаха Я.Г.Блюмкин, принадлежавший к партии левых эсеров, в 1920 году благополучно «всплыл» именно в секретариате Троцкого в роли одного из его ближайших помощников. Попутно отметим, что в 1929 году Блюмкина расстреляли, после того как он

взял на себя роль связного Троцкого, находившегося в то время в Турции, с представителями оппозиции в СССР.

В копилке негативного опыта контактов с «левой» оппозицией в СССР у германских властей был и случай, происшедший в марте 1932 года, когда в Москве была предпринята попытка покушения на еще одного германского посла – Г. фон Дирксена. По чистой случайности посол тогда не пострадал, однако советник посольства Ф. фон Твардовский получил несколько ранений. И.М.Штерн, совершивший покушение, признался в ходе следствия в том, что он принадлежал к «левой» оппозиционной группе и что покушение должно было вызвать конфликт между Берлином и Москвой³³. Следует отметить, что незадолго до этого Германия предоставила СССР крупный кредит на закупку германской промышленной продукции, а Сталин в интервью германскому писателю Э.Людвигу (псевдоним Э.Л.Кона, эмигрировавшего в 1933 г. из Германии в Швейцарию) заявил о симпатии СССР к Германии и желании сохранить с ней дружественные отношения, что бы ни случилось.

В марте 1940 года надеждам троцкистов на вовлечение СССР в войну не суждено было осуществиться. Правительства Норвегии и Швеции отказались пропустить через свою территорию соединения западного экспедиционного корпуса, а правящие круги Финляндии после некоторых колебаний отклонили помощь Лондона и Парижа. Руководство стран Северной Европы прекрасно понимало, какой катастрофой обернется для всего региона его вовлечение в «большую войну». Со своей стороны, правительство СССР, стремясь избежать военного конфликта с западными державами, начало переговоры с Финляндией и 12 марта 1940 года подписало с ней мирное соглашение.

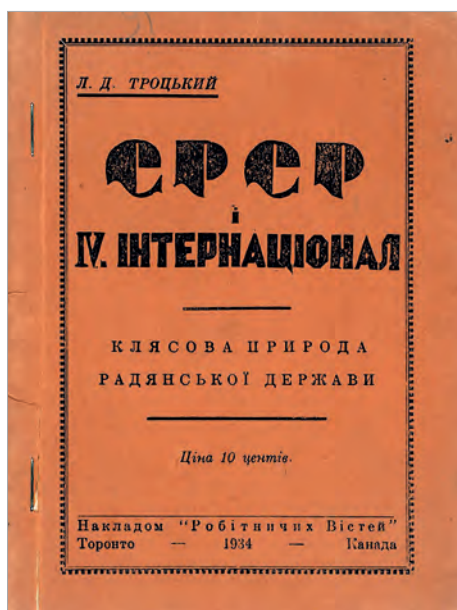
Однако провал планов создания фронта в Северной Европе не заставил правящие круги Лондона и Парижа отказаться от замыслов нанесения удара по СССР. Военные приготовления на юге продолжались, волна антисоветизма не спадала. Во второй половине марта 1940 года Франция фактически разорвала торговое соглашение с СССР и объявила советского полпреда «персоной нон грата»³⁴. 16 марта Гамелен подчеркивал в записке к «Военному

плану на 1940 г.»: «В общем и целом русско-финляндское перемирие не требует от нас изменения принципиальных целей... наоборот, оно побуждает нас действовать еще быстрее и энергичнее»³⁵. Начать операцию против советского Закавказья французские военные предлагали в конце июня – начале июля 1940 года³⁶.

Знал ли об этих планах Троцкий? В этом вопросе мы можем опять же строить только догадки. Но вновь обращает на себя внимание совпадение некоторых событий, которое позволяет выдвинуть предположение, что Троцкий располагал информацией на этот счет и готовился действовать. 17 апреля 1940 года французские военные высказались по вопросу о возможных сроках начала бомбардировок Баку, Батуми и черноморских коммуникаций СССР, а через несколько дней, 25 апреля, Троцкий составил свое известное воззвание «Письмо советским рабочим», в котором призывал их к подготовке вооруженного восстания против «Каина Сталина и его камарильи»³⁷. Воззвание было отпечатано затем в виде листовки специального формата. Ее доставку на территорию СССР Троцкий предполагал произвести сразу же после вовлечения СССР в войну, что, по его твердому убеждению, должно было произойти в самое ближайшее время³⁸. Вслед за этим в мае 1940 года Троцкий и его сторонники приняли «Манифест об империалистической войне и пролетарской революции», в котором открыто провозгласили: «Подготовка революционного свержения московских правителей является одной из главных задач IV Интернационала»³⁹. Такое заявление было равнозначно официальному объявлению войны правительству СССР.

Не вызывает сомнения, что Москва была хорошо информирована о планах определенных кругов Англии и Франции относительно использования троцкистов и о расчетах и действиях последних. «Советскую секцию» IV Интернационала возглавлял агент НКВД М.Г.Зборовский (псевдоним Тюльпан), который в течение ряда лет подробнейшим образом докладывал правительству СССР о том, что происходило в штаб-квартире этой организации в Париже⁴⁰.

Какая-то информация поступала, по-видимому, и от германских властей. Берлин готовил удар в Западной Европе и нуждался в на-

дежном тыле на востоке. По мере сил и возможностей там пытались противодействовать англо-французским планам и не допустить неожиданного поворота политики Москвы в сторону сотрудничества с Лондоном и Парижем. Германская дипломатия не упускала случая лишний раз указать Москве на враждебное отношение к ней со стороны западных держав. По дипломатическим каналам Берлин передавал Кремлю зимой 1939 - 1940 годов имевшуюся у него информа-

цию о намечавшейся высадке в Северной Норвегии экспедиционного корпуса западных держав, об англо-французских планах в отношении советского Закавказья⁴¹. По всей видимости, германское посольство в Москве в целях обеспечения собственной безопасности проинформировало Кремль о подготовке «леворадикальной оппозицией» покушений на германских представителей.

С началом активных боевых действий в Западной Европе 10 мая 1940 года возможность англо-французского удара в Закавказье и на Балканах резко возросла. В Кремле не исключали, что в ответ на успешно развивавшееся наступление вермахта западные державы могут попытаться форсировать реализацию планов блокирования поставок нефти в Германию из Румынии и СССР. Возрастала и опасность того, что Лондон и Париж активизируют свои усилия по созданию второго фронта против держав «оси» в Юго-Восточной Европе⁴², а, следовательно, и угроза инспирированных ими заговоров и путчей. В этих условиях троцкизм, нацеливавшийся на подготовку вооруженного восстания в СССР и «свержение московских правителей», становился реально опасен. Эта угроза

не исчезла и после капитуляции Франции 22 июня 1940 года. Пока продолжалось англо-германское противоборство, советское руководство было вынуждено считаться с тем, что Лондон может попытаться использовать Троцкого в своих военно-политических целях.

Действия Троцкого и его окружения давали в эти дни Кремлю более чем достаточно оснований для такого рода опасений. Сразу же после того, как вермахт начал активные боевые действия против западных держав, 11 мая 1940 года, Троцкий предал широкой огласке то, что еще несколько дней назад держалось им в глубокой тайне и предназначалось для использования в «день X» – «Письмо советским рабочим». Оно появилось на страницах издания «Socialist Appeal». Вслед за этим был опубликован вышеназванный манифест IV Интернационала. С этого момента, думается, уже ни у кого в мире не оставалось сомнений в вопросе о том, с кем и какую партию разыгрывают троцкисты. 24 мая 1940 года была предпринята первая попытка устранить Троцкого, затем в августе того же года вторая.

В заключение нельзя не отметить, что в январе 1940 года, когда в Москве, по всей видимости, стало известно об англо-французских планах в отношении троцкистов, советское руководство попыталось вступить в диалог с Троцким. Германский посол в Вашингтоне Г.Томсен сообщал 22 января 1940 года в Берлин: на протяжении последних недель в американской прессе упорно циркулируют слухи о «стремлении Сталина договориться с Троцким». Однако диалога, по мнению посла, не получилось. Троцкий выступил в журнале «Liberty» со статьей, в которой заклеил СССР как военного союзника Германии⁴³. С этого момента трагическая развязка стала, очевидно, неминуемой.

24 августа 1940 года «Правда» сообщила о кончине Троцкого. Редакционная статья называлась «Смерть международного шпиона» и принадлежала, как считают многие исследователи, перу Сталина. С такой характеристикой Троцкого можно спорить и не соглашаться. Но нельзя не признать, что Троцкий активно использовался определенными кругами Запада не только зимой 1939 - весной 1940 годов. На него, как на противника сепаратно-

го мира Советской России с Германией, англичане и американцы делали ставку еще в 1917 - 1918 годах. В окружение Троцкого активно действовали такие британские разведчики, как С.Дж. Рейли и Дж.А.Хилл. Последний, заданием которого являлось заставить Россию продолжать войну против Германии и сформировать в ней антигерманскую агентурную сеть, являлся советником Троцкого и помогал ему создавать военно-воздушные силы Советской республики, систему военной разведки и контрразведки. К Рейли тянулись нити не только известного «заговора послов», но и организации убийства Мирбаха и покушения на Ленина, место которого, как планировалось, должен был занять Троцкий. Британские спецслужбы «подпирали» Троцкого и в период его борьбы за власть со Сталиным. Данные факты неоднократно получали освещение в исследованиях как зарубежных, так и российских специалистов по истории спецслужб. Определенные сведения на этот счет можно почерпнуть также в воспоминаниях Хилла⁴⁴. Так что опыт «работы» с Троцким у разведок стран Антанты был уже давно накоплен, и они считали вполне возможным использовать троцкистов и их лидера в своих политических комбинациях. Что же касается германских и японских спецслужб, завязавших во второй половине 1920-х - первой половине 1930-х годов связи с Троцким, то после политических процессов 1936 - 1938 годов над его сторонниками в СССР и прозвучавших на них разоблачений эти связи фактически оборвались. «Льву Революции», вывезенному за океан и взятому под опеку и охрану его американскими сторонниками, пришлось связывать надежды на реализацию своих далеко идущих политических планов с поддержкой уже других партнеров.

¹См.: *Васецкий Н.А.* Л.Д. Троцкий: Политический портрет. – Новая и новейшая история, 1989, № 3, С. 162–163; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: И.В. Сталин: Политический портрет. Кн. II, ч. 1, С. 80–103; *Волкогонов Д.А.* Троцкий: Политический портрет. М., 1992. Кн. 2; *Берия С.Л.* Мой отец – Лаврентий Берия. М., 1994, С. 349–350; *Судоплатов П.А.* Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1998, С. 102–132.

²*Троцкий Л.Д.* Дневники и письма. М., 1994, С. 149.

- ³См.: *Васецкий Н.А.* Троцкий в третьей эмиграции. – Кентавр: историко-политологический журнал, сентябрь–октябрь 1992, С. 91; *Волкогонов Д.А.* Троцкий: Политический портрет. Кн. 2, С. 133; *Судоплатов П.А.* Указ. соч., С. 108, 117–118, 126–127.
- ⁴*Троцкий Л. Д.* Преступления Сталина. М., 1994, С. 56–57.
- ⁵*Волкогонов Д. А.* Троцкий: Политический портрет. Кн. 2, С. 297 и сл.
- ⁶*Троцкий Л. Д.* Преступления Сталина, С. 57–58.
- ⁷Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее – РА АА): Pol. V. Staatsmänner Rußland. Trotzki (R 104372), Bl. 196854 ff.
- ⁸*Троцкий Л. Д.* Преступления Сталина, С. 29 и сл.
- ⁹См.: *Васецкий Н. А. Л. Д.* Троцкий: Политический портрет, С. 162.
- ¹⁰См.: *Сикейрос Д.А.* Меня называли лихим полковником: Воспоминания. Пер. с исп. М., 1986, С. 217–226.
- ¹¹См.: *Кривицкий В. Г.* «Я был агентом Сталина»: Записки советского разведчика. Пер. с англ. М., 1991; *Порецки Э.* Тайный агент Дзержинского. Пер. с англ. М., 1996; *Судоплатов П.А.* Указ. соч., С. 74–81.
- ¹²См.: *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма, С. 164; *Судоплатов П.А.* Указ. соч., С. 127–128.
- ¹³РА АА: Pol. Verschuß. Geheim. Politische Angelegenheiten Rußland. Bd. 5 (R 101378), Bl. 237729–237731.
- ¹⁴Существенно дополняет информацию об этой операции, содержащуюся в отечественной литературе, публикация: *Kießling W.* Das Präludium der Operation Utka. – Neues Deutschland, 24. Mai 1995.
- ¹⁵*Сикейрос Д.А.* Указ. соч., С. 224–225.
- ¹⁶См.: *Волкогонов Д.А.* Троцкий: Политический портрет. Кн. 2, С. 335–336.
- ¹⁷В этом вопросе правая и «ультралевая» историография и сегодня обнаруживают поразительное единодушие.
- ¹⁸РА АА: Pol. V. Politische Beziehungen Rußlands zu Deutschland. Bd. 3 (R 104358), Bl. ohne Nummer (Pol. V 2131/40, Deutsche Botschaft in Washington an das AA Nr. 121 vom 22. Januar 1940).
- ¹⁹См.: *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1971, С. 428 и сл.
- ²⁰См.: Возвращение Ленина в Россию (документальные материалы). – Новая и новейшая история, 1990, № 3, С. 75–93; *Halweg W. von.* Lenins Rückkehr nach Rußland 1917. Leiden, 1957.
- ²¹Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. М., 1998, С. 181–182.
- ²²РА АА: Dienststelle Ribbentrop. Vertrauliche Mitarbeiterberichte II, 5/1 Teil 2 (R 27122), Bl. 59626–59627.
- ²³*Троцкий Л.Д.* Преступления Сталина, С. 139–140.
- ²⁴Там же.

²⁵Троцкий Л.Д. Дневники и письма, С. 193–194.

²⁶Там же, с. 194.

²⁷См.: РА АА: Büro des Staatssekretär. Der Krieg 1939. Bd. 7 (R 29689); Auswärtiges Amt, Weißbuch Nr. 6: Die Geheimakten des französischen Generalstabes. B., 1941; Kahle G. Das Kaukasusprojekt der Alliierten vom Jahre 1940. Opladen, 1973; Lorbeer H.-J. Westmächte gegen die Sowjetunion 1939–1941. Freiburg i. Br., 1975, S. 51 ff.; Орлов А.С. Странности «странной войны». – Новая и новейшая история, 1989, № 5, С. 78–79; Безыменский Л.А. Великая Отечественная в... 1940 году? – Международная жизнь, 1990, № 8, С. 103–116.

²⁸РА АА: Pol. I M. Geheim. Agenten- und Spionagewesen: Nachrichten. Bd. 7 (R 102039), Bl. ohne Nummer (Deutsches Konsulat Genf an das AA, K Nr. 61 vom 4. Januar 1940).

²⁹Auswärtiges Amt, Weißbuch Nr. 6: Die Geheimakten des französischen Generalstabes, S. 52.

³⁰Quatrième Internationale, 1972, № 4, p. 27; Цит. по: Басманов М.И. В обзоре реакции: Троцкизм 30–70-х годов. М., 1979, С. 71.

³¹РА АА: Botschaft Moskau. Geheim. Geheime politische Akten. Bd. 1, Bl. 175707–175708.

³²См.: Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве: Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. Пер. с нем. М., 1996, С. 74.

³³См.: РА АА: Botschaft Moskau. 225. Attentat auf Botschaftsrat von Twardowski am 5. März 1932.

³⁴Внешняя политика СССР. Т. IV. М., 1946, док. № 409. Английский и французский послы выехали из Москвы еще в январе 1940 г. и речи об их возвращении либо назначении новых послов Лондон и Париж даже не вели.

³⁵Auswärtiges Amt, Weißbuch Nr. 6: Die Geheimakten des französischen Generalstabes, S. 65.

³⁶Ibid., S. 91.

³⁷Троцкий Л.Д. Дневники и письма, С. 175–177.

³⁸См.: Волкогонов Д.А. Троцкий: Политический портрет. Кн. 2, С. 335.

³⁹Manifesto of the Fourth International on the imperialist war and proletarian revolution. New York, 1940. P. 38. Цит. по: Басманов М.И. Указ. соч., С. 71.

⁴⁰См.: Волкогонов Д. А. Троцкий: Политический портрет. Кн. 2, С. 133 и сл.

⁴¹РА АА: Büro des Staatssekretär. Finnland, Bd. 2 (R 29579), Bl. 009 (B003508); Unterstaatssekretär. Sowjetunion, Bd. 2 (R 29912), Bl. 23693; Handakten Etdorf. Vertr. AA beim OKH. Abwehr-Länder (III) (R 27374), Bl. 66154–66154/1.

⁴²Ситолс В. Я. Миссия Криппса в 1940 г.: Беседа со Сталиным. – Новая и новейшая история, 1992, № 5, С. 23–40.

⁴³См. прим. 18.

⁴⁴См.: Хилл Дж. Моя шпионская жизнь. Пер. с англ. М., 2000.

КАРАМЗИН, ИЛИ В ШВЕЙЦАРИЮ НУЖНО ЕЗДИТЬ НАБИРАТЬСЯ УМА-РАЗУМА

Наталья Беглова

БОЛЬШИНСТВО из нас знает о бесценном вкладе Николая Михайловича Карамзина в изучение истории страны - о его многотомной «Истории государства Российского». Этот труд произвел неизгладимое впечатление на современников. Его читали и продолжают читать вот уже более двухсот лет. В моей жизни был такой эпизод. Я готовилась к поступлению в институт, где надо было сдавать экзамен по истории России, и отправилась за консультацией к одному известному профессору, преподававшему историю в МГУ. Первым делом он спросил меня: «Как вы готовитесь к экзамену? Я надеюсь, Вы читаете Карамзина?» Узнав, что я его не читала, он отправил меня домой и велел вернуться через месяц, проштудировав «Историю государства Российского».

Но далеко не всем известно, что, будучи совсем молодым человеком, Карамзин совершил длительное путешествие по Европе, посетил, в том числе и Швейцарию, и описал свои впечатления в «Письмах русского путешественника».

Надо сказать, что еще в XV веке жители Московии оказались в Швейцарии и так описали ее: «Горы же те <...> толико

Наталья Беглова - писатель, журналист.

же высоты суть, облаки впол их ходят <...>. В лете же вар и зной велик в них, но снег жен не таяше»¹. Но, даже три столетия спустя, в XVIII веке, лишь единицы добирались до Швейцарии и чаще всего оказывались здесь проездом. Правда, были и такие, кто поселился здесь, покинув Россию, из-за конфликта с властями. Так, спасаясь гнева Петра I, бежали из России и в 1730 году осели в Женеве братья Авраам и Федор Веселовские. Авраам жил в городе вплоть до 1783 года. Оба брата поддерживали связи с близкими и друзьями на Родине. Их письма содержали немало информации о жизни Женевы и других городах, в которых им довелось побывать. Интересно отметить, что братья водили дружбу с Вольтером и не только сами общались с ним, но и знакомили приезжавших из России друзей с «фернейским философом» или с «фернейским патриархом», как он называл себя сам.

Начиная со второй половины XVIII века в Женеве появляются русские, приезжающие учиться в Женевскую академию, основанную Кальвином. Среди них отпрыски таких известных аристократических семей как Воронцовы, Голицыны, Демидовы, Разумовские, Салтыковы, Строгоновы. Помимо образовательных задач ставятся и иные цели. Так, Григорий Разумовский, сын президента Петербургской Академии наук графа А.К. Разумовского, более десяти лет провел в Лозанне, где занимался исследованиями минералогического состава близлежащих гор и озер. Приезжали из России и для лечения, ибо уже тогда было известно о целебных свойствах швейцарских источников.

С конца XVIII века русские путешественники уже специально отправлялись в эту страну, чтобы поближе познакомиться с ней. Конечно, во многом этому способствовал успех среди российской просвещенной публики произведения Жан-Жака Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». «Швейцарский миф» становится важным элементом русского отношения к Европе. «Швейцария стала в русской культурной традиции некой парадигмой, которая начиная с эпохи Петра, а то с более раннего времени тревожила российское сознание необычайностью своей природы и кажу-

щейся идеальностью своей судьбы»², - пишет известный российский писатель и историк Данилевский Р.Ю.

Эта тенденция утверждается в конце XVIII - начале XIX веков. Происходит значительное изменение в составе русских путешественников, отправляющихся в Швейцарию. Когда мы говорим о путешественниках, нашему воображению рисуются десятки, если не сотни людей. На самом деле до середины XIX века количество было очень небольшим. Одновременно здесь могло находиться до шести путешественников³.

Если раньше сюда в основном приезжали выходцы из аристократических семей, то постепенно здесь появляется все больше представителей незнатных дворянских фамилий. Все шире круг тех, кто хочет посмотреть на сказочную землю. «В Швейцарию отправляются историки, общественный и государственные деятели, экономисты, публицисты, поэты, философы - без преувеличения можно сказать, что интеллектуальная элита российского общества считала своим долгом посетить «альпийскую республику»⁴. Но главное, «с конца XVIII века происходят разительные изменения в характере, целях и маршрутах путешествий россиян»⁵.

В значительной степени все эти изменения связаны с публикацией «Писем русского путешественника» Николая Михайловича Карамзина. Можно с уверенностью говорить о том, что по настоящему Швейцарию в России узнали и полюбили благодаря

*Н.М.Карамзин. Гравюра Н.Лунса
с оригинала Кюнеля. 1801 г.*

*Титульный лист «Писем русского путешественника»
Н.М.Карамзина. 1797 г.*

Карамзину. После публикации его «Писем русского путешественника» в Швейцарию отправляются не только те, кто был вынужден покинуть Россию, не для того, чтобы получить образование или подлечиться, но с тем, чтобы открыть для себя мир швейцарской природы. Благодаря «Письмам» начинается новая страница в истории путешествий русских в страну, которую в те времена часто называют «Новой Аркадией»⁶.

Сам Карамзин, как мы уже знаем, с юных лет испытывал интерес к швейцарской культуре, в частности к литературе этой страны. Еще в юности он перевел сти-

хи в прозе «Деревянная нога» Соломона Гесснера, а вслед за этим и поэму Галлера «О происхождении зла».

Решение Карамзина отправиться в путешествие по Швейцарии, безусловно, не в последнюю очередь было вызвано и стремлением увидеть альпийские луга, заснеженные горные вершины, так прекрасно описанные в стихотворениях Галлера и Гесснера. Но все-таки, главным для Николая Михайловича было посетить места, связанные с романом Руссо. Карамзин был большим поклонником Жан-Жака Руссо и восхищался его «Юлией, или Новой Элоизой».

Поэтому неудивительно, что, планируя поездку по Европе, он намеревался заехать и в Швейцарию - страну своего кумира, причем собирался остаться здесь больше, чем в других странах.

В планах Карамзина было посещение еще нескольких европейских стран. Важным пунктом поездки значилась Англия. Почему же Швейцария и Англия занимали ум Карамзина? Дело в том, что он был поклонником не только Руссо, но и Вольтера. Мы уже знаем, что эти два философа и писателя были настоящими, выражаясь современным языком, идеологическими противниками. Замечательный литературовед Юрий Михайлович Лотман так сформулировал сверхзадачу, которую ставил перед собой Николай Карамзин, планируя посетить Швейцарию и Англию: «Патриархальности Швейцарии противостоял идеал «просвещенности» - Англия. В конечном счете это была антитеза общественных устремлений Руссо и Вольтера. Карамзин испытал сильное влияние и того и другого, и желание произвести «следствие на месте» над идеями двух апостолов Просвещения XVIII века было одной из побудительных причин путешествия»⁷.

Карамзин с удовольствием готовился к поездке, он радовался возможности увидеть новые страны, полагал, что свежие впечатления благотворны для человека. Не случайно его записки открываются утверждением о том, что путешествие «... питательно для духа и сердца нашего», а потому он призывает соотечественников: «Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество!»⁸

Карамзин был не первым русским, совершившим путешествие за границу, но он был первым, кто вел подробные записи своих впечатлений. Николай Михайлович сам написал об этом: «Наши соотечественники давно путешествуют по чужим странам, но до сих пор никто из них не делал это с пером в руках. Автору сих писем первому явилась эта мысль...»⁹.

Здесь требуется небольшое уточнение. Считается, что «Письма» Карамзина положили начало и новому жанру русской литературы - запискам путешественника. Это не совсем так. Другой

*Лори, Матиас Габриэль (сын); Юрлиман, Иоган. Сельская трапеза. Гравюра, раскрашенная акварелью. 1829. Художественный музей Берна.
Примерно такой, как на этой швейцарской гравюре, представлялась молодому Карамзину сказочная страна Швейцария, где даже крестьяне счастливы.*

русский писатель Денис Иванович Фонвизин еще до Карамзина написал письма о своем посещении Франции в 1777-1778 годах. Но предпринятая им попытка напечатать их в 1780 году, включив в состав собрания сочинений, закончилась неудачей. Екатерина II, видевшая во многих произведениях писателя плохо прикрытую критику российской политической системы, запретила публикацию сочинений Фонвизина. В итоге полностью письма Фонвизина из Франции увидели свет гораздо позднее «Писем» Карамзина.

Итак, Карамзин берет на себя труд путешествовать «с пером в руках» и открывать русскому читателю те страны Европы, которые он намеревается посетить. На протяжении всего путешествия он ведет дневник, который и ляжет в основу его книги. В пути он фиксирует увиденное, записывает услышанное, делится своими впечатлениями, размышлениями, рассказывает о встречах и беседах с писателями и философами.

Отправился Николай Михайлович в поездку в мае 1789 года, а вернулся в Петербург в июле 1790 год, то есть путешествие продолжалось больше года, а точнее почти четырнадцать месяцев. В Швейцарии он провел около семи месяцев – с начала августа 1789 года до начала марта 1790 года. Для сравнения: в Англии молодой человек провел около двух с половиной месяцев.

Сначала Карамзин посетил Германию, а затем отправился в Швейцарию. О том, с каким нетерпением он ждал встречи с этой страной, свидетельствуют вот эти строки: «И так я уже в Швейцарии, в стране живописной Натуры, в земле свободы и благополучия! Кажется, что здешний воздух имеет в себе нечто оживляющее: дыхание мое стало легче и свободнее, стан мой распрямился, голова моя сама собою поднимается вверх, и я с гордостью помышляю о своем человечестве»¹⁰. Интересно, что в первой журнальной редакции было написано иначе: «земле свободы и счастья». Прошло несколько лет, юношеские иллюзии уступили место скептицизму, и Карамзин, предпочел заменить слово «счастье» более нейтральным - «благополучие».

Но для юного Карамзина приезд в Швейцарию – это встреча со страной, живущей в соответствии с его либеральными мечтаниями, со страной счастливых людей. Он прямо пишет об этом: «Уже я наслаждаюсь Швейцарией, милые друзья мои. Всякое дуновение ветерка проникает, кажется, в серд-

*Лафатер за чтением книги. Гравюра, раскрашенная акварелью. 1790.
Британский музей*

Примерно такой, как на этой швейцарской гравюре, представлялась молодому Карамзину сказочная страна Швейцария, где все люди счастливы и живут в гармонии друг с другом и с природой

це мое и развеивает в нем чувство радости. Какие места! Какие места! Отъехав от Базеля версты две, я выскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна и готов был в восторге целовать землю. Счастливые швейцары! Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному богу? Вся жизнь ваша есть, конечно, приятное сновидение...»¹¹

В одной из первых швейцарских деревушек он становится свидетелем эпизода, который поражает его. Жители задержали какого-то парня за мелкое воровство: он украл в лавке два талера. Воришка - не швейцарец, он забрел сюда из Германии. Жители деревни поражены, у них никто никогда не воровал. Не меньше их поражен и Карамзин: «Может быть, ни в какой земле, друзья мои, не бывает так мало преступлений, как в Швейцарии, а особенно воровства, которое считается здесь за великое злодеяние. О раз-

боях и убийствах совсем не слышно; мир и тишина царствуют в счастливой Гельвеции»¹².

Вот она Швейцария - страна, где воистину царят нравы «золотого века». И, конечно, объяснение столь прекрасных нравов стоит искать в том, что люди живут здесь в гармонии с природой. Карамзин продолжает следовать за своим кумиром Руссо, когда из-под его пера выходят строки о том, что именно жизнь на лоне природе, вдали от сложностей и соблазнов цивилизованного мира, может дать человеку счастье.

«Если бы теперь, в самую сию минуту, надлежало мне умереть, то я со слезою любви упал бы во всеобъемлющее лоно природы, с полным уверением, что она зовет меня к новому счастью, что изменение существа моего есть возвышение красоты, перемена изящного на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духом своим возвращаюсь в первоначальную простоту натуры человеческой - когда сердце мое отверзается впечатлениям красот природы - чувствую я то же и не нахожу в смерти ничего страшного»¹³.

Швейцария для Карамзина не только страна красивой природы, но и выдающихся поэтов, ученых и философов. Оказавшись в Цюрихе – первом городе, который он посетил - Николай Михайлович спешит нанести визит Иоганну Каспару Лафатеру¹⁴, с которым он переписывался и у которого искал ответы на многие вопросы, мучившие его. Надо сказать, что цюрихский богослов, литератор и философ, пользовавшийся дружеским расположением Гете, был в те годы человеком весьма именитым, с которым искали встречи и люди гораздо более известные, чем молодой начинающий литератор, каким был в то время Карамзин. Так, наследник русского престола, великий князь Павел Петрович, будущий император Павел I, путешествовавший по Европе под именем «князя Северного», специально приехал в Цюрих в сентябре 1782 для встречи с Лафатером.

Карамзин несколько раз посетил Лафатера и был покорен умом цюрихского богослова, его доброжелательностью и простотой общения, он также высоко оценил ту благотворительную деятельность, которой тот посвящал немало времени.

*Иоганн Генрих Лусс. Портрет Иоганна
Каспара Лафатера. 1768 г.*

Немного забегаая вперед скажем о том, что доброта Лафатера, его благородный характер дорого обошлись ему. Лафатер трагически погиб 2 января 1801 года, пытаясь увещевать пьяных французских мародёров. Один из них выстрелил в Лафатера, который от этой раны и умер. Перед смертью он простил убийцу, запретил его разыскивать и даже посвятил ему стихотворение.

Особенно интересовали молодого человека исследования Лафатера в области физиогномики, в частности его утверждение о том, что

имеется связь между чертами лица и свойствами характера. Цюрихский ученый считал, что как неповторима внешность людей, так бесконечно своеобразны характеры, и посредством изучения черт лица можно проникнуть в душу человека. Карамзин назвал Лафатера «физиогномическим колдуном».

Карамзин, естественно, непременно хочет побывать в Альпах. Полюбовавшись на водопад Штауббах около Лаутербруннена, он направляется в Гриндельвальд и там с восхищением наблюдает восход луны над Юнгфрау: «Светлый месяц взошел над долиною. Я сижу на мягкой мураве и смотрю, как свет его разливается по горам, осребряет гранитные скалы, возвышает густую зелень сосен и блистает на вершине *Юнгферы* (Юнгфрау - Н.Б.), одной из высочайших Альпийских гор, вечным льдом покрытой. Два снежные холма, девическим грудям подобные, составляют ее корону. Ничто смертное к ним не прикасалось; самые бури не могут до них возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызают их

нежную округлость; вечное безмолвие царствует вокруг их - здесь конец земного творения!...»¹⁵ Согласитесь, сравнение горных вершин с девическими грудями вполне можно назвать пассажем, довольно рискованным по тем временам.

На следующий день на рассвете Николай Михайлович с проводником отправляется на высокогорное плато Венгернальп¹⁶: «Я вооружился геркулесовскою палицею - пошел - с благоговением ступил первый шаг на Альпийскую гору и с бодростию начал взбираться на крутизны»¹⁷. Подъем дается нелегко, ему даже не до того, чтобы любоваться на открывающийся вид на Юнгфрау, Мёнх и Эйгер. Но зато, когда после четырех часов восхождения, он достиг вершины горы, с ним происходит нечто удивительное: «Чувство усталости исчезло, силы мои возобновились, дыхание мое стало легко и свободно, необыкновенное спокойствие и радость раз-

*Лори, Матиас Габриэль (сын), Юрлиман, Иоганн. Венгернальп. 1822.
Швейцарская национальная библиотека, Берн
Именно отсюда любовался Карамзин на Юнгфрау, Мёнх и Эйгер.*

лились в моем сердце. Я преклонил колена, устремил взор свой на небо и принес жертву сердечного моления - тому, кто в сих границах и снегах напечатлел столь явственно свое всемогущество, свое величие, свою вечность!.. Друзья мои! Я стоял на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могут для поклонения всевышнему!.. Язык мой не мог произнести ни одного слова, но я никогда так усердно не молился, как в сию минуту»¹⁸.

Невольно вспоминается герой поэмы Байрона «Манфред». Оказавшись на вершине Юнгфрау, он полон сомнений и терзаний, готов покончить счеты с жизнью. Какой контраст по сравнению с тем чувством вдохновения, ощущения своей силы и душевного подъема, которое испытывает Карамзин! Как очень точно подметил российский исследователь «Писем русского путешественника» А.Кара-Мурза, Карамзин ощутил себя «сверхчеловеком, приблизившемуся к Божеству (недаром он уподобляет свою дорожную палку «Геркулесовской палице»)»¹⁹.

Так, благодаря Карамзину, рождается еще один элемент швейцарского мифа: отправляясь в швейцарские горы, вы можете испытать себя, узнать, на что вы способны. И если вы покорите вершину, то почувствуете себя, выражаясь современным языком, суперменом. И я полагаю, что не одно поколение русских путешественников, вдохновленное этим отрывком из «Писем», будет совершать восхождение в горы, чтобы испытать эмоции, подобные испытанным Карамзиным, и, хотя бы на миг почувствовать себя всемогущественным.

Альпы не были бы Альпами, если бы Николай Михайлович не увидел там пастухов и пастушек. Причем, столь приветливых и счастливых, что у него появляется желание, пусть и мимолетное, поселиться здесь, на этой земле. Однажды, встретив в горах двух молодых крестьянок, он заявил им, «что простая и беспечная жизнь их мне весьма нравится и что я хочу остаться у них и вместе с ними доить коров». И что же крестьянки? Они отвечали ему смехом. Но такая реакция жительниц волшебных Альп не обескуражила нашего героя. Он испытывал мощный прилив положительных эмоций, ощущал превосходство перед

*Вот таких пастухов и пастушек встречал Карамзин в швейцарских Альпах.
Габриэль Лори-сын. Возвращение с горных пастбищ. Гравюра,
раскрашенная акварелью*

кем бы то ни было, и ему казалось в тот момент, что «...низки передо мною все великаны земного шара!»²⁰ Еще одно подтверждение тому, о чем писалось выше: в горах вы можете ощутить себя сверхчеловеком!

И все-таки Карамзин не настолько наивен, как может показаться. Он прекрасно отдает себе отчет в том, что, хотя условия жизни сельских жителей Швейцарии и отличаются в лучшую сторону от существования крестьян в России, бедность существует и здесь. В тех же Бернских Альпах он делает и такую запись: «Внизу дымятся хижины, жилища бедности, невежества и - может быть - спокойствия»²¹. Швейцарские красоты не смогли полностью заслонить от молодого человека того, что неравенство существует и здесь, в краю сказочной природы.

Завершил Карамзин свое путешествие по Швейцарии в Женеве, где пробыл дольше всего. Видимо, это входило в его планы, но вмешалась еще и болезнь, которая заставила Карамзина

Мемориальная доска на доме в Женеве, где жил Н.М.Карамзин

провести здесь целых пять месяцев - со 2 октября 1789 года по 1 марта 1790 года. Остановился он по адресу: Гран Рю, No. 17 (современная нумерация иная - No. 14) - совсем недалеко от дома, где родился кумир его юности Жан-Жак Руссо. Но «фернейского патриарха» уже нет в живых.

Зато в окрестностях Женевы в местечке Жанто (Genthod) живет Шарль Бонне - другой швейцарский философ, которого Карамзин называет «великим» и с которым жаждет встретиться. «Вы, может быть, удивляетесь, друзья мои, - пишет он, - что я по сие время ничего не говорил вам о великом Боннете (Бонне - *Н.Б.*), который живет верстах в четырех от Женевы, в деревне Жанту (Генто - *Н.Б.*). Мне сказали, что он весьма нездоров, глух и слеп и никого, кроме ближних родственников, не принимает, почему я не имел надежды видеть сего славного Философа и Натуралиста»²². Карамзину удалось познакомиться с Бонне, и Николай Михайлович не преминул сообщить философу, что он «...с великим удовольствием и с пользою читал ваши сочинения»²³.

Жан-Жак Руссо, Галлер, Гесснер, Лафатер, Бонне... Карамзин знает этих писателей, философов, ученых, читает их произведения. Для него Швейцария - это не только красивая природа, но и

люди, чьим интеллектом и талантом он восхищается. И сюда следует приезжать не только любоваться восхитительной природой, но и для встречи с людьми, которые живут интенсивной интеллектуальной жизнью, открывают новые законы природы и общества. Заслуга Карамзина в том, что он яснее, чем это делали до него, заявил о том, что в стране-сказке живут не только пастушки и пастушки, но и интеллектуалы, у которых не стыдно поучиться уму-разуму.

Конечно, молодой человек не забывал и о волшебной швейцарской природе и совершал небольшие поездки в окрестности Женевы. Его описания Женевского озера, пожалуй, самый восторженный пассаж «Писем».

«Все Женевское светлое озеро, как зеркало, представляется глазам моим - по сю сторону множество городов, деревень, сельских домиков, лугов, лесочков и дорог, которые одна другую пересекают, расходятся и опять соединяются и на которых движутся люди, как деятельные муравьи, - а по ту сторону, на савойском берегу, страшные скалы, несколько хижин и, наконец, гордая Белая гора (Монблан - *Н.Б.*) в снежной своей мантии, в алоцветной короне, красивой солнечными лучами, - как царица среди прочих окружающих ее гор, высоких и гордых, но перед нею низких и смиренных... Вознося к небесам главу свою, она вопрошает Ев-

*Н.М.Карамзин. Портрет работы
Дж. Б.Дамон-Ортолани. 1805.
Музей А.С.Пушкина (Москва)*

ропу: «Что выше меня?», и Европа ответствует ей почтительным молчанием.

Насыщайся, мое зрение! Я должен оставить сию землю... Для чего же, когда она столь прекрасна? Построю хижину на голубой Юре, и жизнь моя протечет, как восхитительный сон!.. Но ах! Здесь нет друзей моих!

Величественный рельеф натуры! Впечатлейся в моей памяти! Увижу ли тебя еще раз в жизни моей, не знаю; но если огнедышащие вулканы не превратят в пепел красот твоих - если земля не расступится под тобою, не осушит сего светлого озера и не поглотит берегов его - ты будешь всегда удивлением смертных! Может быть, дети друзей моих придут на сие место, да чувствуют они, что я теперь чувствую, и Юра будет для них незабвенна!

Солнце закатилось, но горы блистают. Темнеет синяя твердь - еще сияют три холма Белой горы. Шумит ветер - облака показываются на западе, разливаются по небу, и мрачная завеса скрывает от глаз моих великолепную картину»²⁴. Сколько бы ни видел Николай Михайлович прекрасных картин природы, они не перестают доставлять ему наслаждение: «Если бы теперь спросили меня: «Чем нельзя никогда насытиться?», то я отвечал бы: «Хорошими видами». Сколько я видел прекрасных мест! И при всем том смотрю на новые с самым живейшим удовольствием»²⁵.

Может сложиться впечатление, что Карамзину все по душе в Швейцарии. Это не так. Молодому человеку очень не нравятся швейцарские города. Вот лишь несколько высказываний о тех, что он посетил.

Базель. «Базель более всех городов в Швейцарии, но, кроме двух огромных домов банкира Саразеня, не заметил я здесь никаких хороших зданий, и улицы чрезмерно худо вымощены. Жителей по обширности города очень немного, и некоторые переулки заросли травой»²⁶.

Цюрих. «О городе скажу вам, что он не прельщает глаз, и, кроме публичных зданий, например ратуши и проч., не заметил я очень хороших или огромных домов, а многие улицы или переулки не будут и в сажень шириною»²⁷.

Площадь Молар. Акварель. 1794. Такой увидел Женеву Карамзин

А вот его описание Лозанны. «На другой день поутру исходил я весь город и могу сказать, что он очень нехорош; лежит отчасти в яме, отчасти на косогоре, и куда ни поди, везде надобно спускаться с горы или всходить на гору. Улицы узки, нечисты и худо вымощены»²⁸.

Лишь о Женеве Николай Михайлович снисходительно скажет, что не только окрестности прекрасны, но и «город хорош»²⁹.

Поначалу не приглянулись молодому человеку швейцарские женщины: «...женщины здесь отменно дурны; по крайней мере я не видал ни одной хорошей, ни одной изрядной»³⁰. Но вскоре он изменит свое мнение. В доме одного священника, увидев его двух дочерей, напишет, что они «...всякому живописцу могли бы служить образцом красоты...»³¹. А позже в горах, как мы помним, пастушек он встречал просто красавиц!

Благодаря Карамзину мы узнаем также, что уже в те времена Швейцария отличалась дороговизной. «Я слышал прежде,

будто в Швейцарии жить дешево; теперь могу сказать, что это неправда и что здесь все гораздо дороже, нежели в Германии, например хлеб, мясо, дрова, платье, обувь и прочие необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство швейцарцев. Где богаты люди, там дешевы деньги; где дешевы деньги, там дороги вещи. Обед в трактире стоит здесь восемь гривен; то же самое платил я в Базеле и в Шафгаузене. Правда, что в швейцарских трактирах никогда не подают на стол менее семи или восьми хорошо приготовленных блюд и потом десерт на четырех или на пяти тарелках»³².

Интересно его объяснение этого феномена. Оказывается, швейцарцы - люди богатые. Вот так, мимоходом, Карамзин, закладывает еще два камня в фундамент «швейцарского мифа»: дороговизна жизни и богатство жителей страны. Возможно, в данном случае слово «миф» покажется кому-то неуместным, мне скажут: это отнюдь не миф, это реалии и сегодняшнего дня Швейцарии. Но когда мы говорим о «швейцарском мифе» мы подразумеваем представления об этой стране, сложившиеся в результате взгляда на нее как изнутри, так и извне. Впечатления эти иногда объективны, а порой крайне субъективны. И все они нашли и продолжают находить отражение в произведениях писателей, художников, музыкантов, а также во мнении людей, посетивших страну. Все это в комплексе мы и называем «швейцарским мифом».

В самом начале марта 1790 года Карамзин покинул Женеву и направился в Лион, а далее в Париж. Но мы не последуем за ним во Францию, а закончим здесь рассказ о заграничном путешествии Карамзина.

Вернувшись летом 1790 году в Россию, Николай Михайлович привел в порядок записи и решил их опубликовать. Первые «Письма» появились в 1791 году в «Московском Журнале», который начал издавать сам Карамзин. В силу различных обстоятельств работа над «Письмами» то продолжалась, то прерывалась, и в итоге первое полное издание «Писем русского путешественника» появилось только в 1801 году, после смерти

Павла I. Книга произвела большое впечатление, именно благодаря ей Карамзин превратился в известного писателя. При жизни Николая Михайловича «Письма» трижды печатались в составе собрания его сочинений.

«Письма русского путешественника» Карамзина открыли Швейцарию российской читающей публике, проложили дорогу русским путешественникам. Как поклонники Байрона и Гете будут повторять маршруты, пройденные их кумирами, так те русские XIX века, которым повезет оказаться в Швейцарии, будут стремиться увидеть все места, описанные Карамзиным в его произведении: посетить Базель и Цюрих, Женеву и Люцерну, погулять по берегам Женевского и Невшатальского озер и непременно хоть одним глазком взглянуть на чудо из чудес - «два снежные холма, девическим грудям подобные».

¹Данилевский Р.Ю. Русские миражи в Швейцарских Альпах (Швейцария и российские социокультурные утопии) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Издательство Пушкинского дома, 2010. С.237

²Данилевский Р.Ю. Русские миражи в Швейцарских Альпах (Швейцария и российские социокультурные утопии) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Издательство Пушкинского дома, 2010. С. 237.

³Смекалкина В.В. «Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII- первой половине XIX в. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Москва. 2014. С. 119

⁴Там же. С. 120

⁵Там же. С.118

⁶Аркадия или Аркады (греч. Αρκάδες) - историческая область Древней Греции, названная в честь Аркада и ставшая поэтическим образом места счастливой и беззаботной жизни. В более широком смысле понятие «Аркадия» стало означать утопический идеал, недостижимую гармонию человека и природы.

⁷Ю.М. Лотман. Сотворение Карамзина. Москва. «Книга». 1987. С.83

Цитата по: https://imwerden.de/pdf/lotman_sotvorenie_karamzina_1987.pdf

⁸Н.М. Карамзин. Сочинения в двух томах. Ленинград. «Художественная литература». 1984. Т.1. С. 161

⁹Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. Москва-Ленинград. «Художественная литература». 1964. Том 2. С.148-149 Цитата по: <https://rvb.ru/18vek/karamzin/2hudlit/01text/vol2/02criticism/52.htm>

- ¹⁰Н.М. Карамзин. Сочинения в двух томах. Ленинград. «Художественная литература». 1984. Т.1. С. 165-166
- ¹¹Там же. С. 172
- ¹²Там же. С. 175
- ¹³Там же. С. 175
- ¹⁴Иоганн Каспар Лэфатер (15 ноября 1741 г.2 января 1801 г., Цюрих) - швейцарский писатель, богослов и поэт, писал на немецком языке. Заложил основы криминальной антропологии.
- ¹⁵Н.М. Карамзин. Т.1. С. 242
- ¹⁶Венгернальп (Wengernalp) – высокогорное плато в Оберланде, в швейцарском кантоне Берн, лежит напротив Юнгфрау, Менха и Эйгера, на высоте 1884 м над уровнем моря, в 3 км к юго-востоку от Лаутербруннена, на дороге через Малый Шейдек в Гриндельвальд.
- ¹⁷Н.М. Карамзин. Т.1. С. 208
- ¹⁸Там же.
- ¹⁹А.Кара-Мурза. Швейцария Карамзина. Непрерывный журнал. 250 лет Н.М. Карамзину. «Вестник Европы». 19.02.2017 Цитата по: <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/switzerland-karamzin.html>
- ²⁰Н.М. Карамзин. Т.1. С. 209
- ²¹Там же. С. 206
- ²²Там же. С. 242-245
- ²³Там же. С. 246
- ²⁴Там же. С. 242-243
- ²⁵Там же. С.224
- ²⁶Там же. С.166
- ²⁷Там же. С.179
- ²⁸Там же. С.224
- ²⁹Там же. С.232
- ³⁰Там же. С.170
- ³¹Там же. С.180
- ³²Там же. С. 193

А.А.ЗИНОВЬЕВ: ЖАЖДА ПРАВЕДНОСТИ

Константин Долгов

Мои книги - вот он, я.
А мое тело - это явление временное.
А.А.Зиновьев

Бескомпромиссное следование своим
жизненным принципам возможно лишь в том случае,
если ты вступаешь в открытый конфликт
со своим окружением и идешь на жертвы.
А.А.Зиновьев

В 1954 ГОДУ я поступил на философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. С первых же дней мы, студенты, были увлечены интересным содержанием лекций профессоров и преподавателей этого факультета. Их лекции были для нас каким-то откровением, хотя мы и в школьные годы, и позже читали произведения классиков марксизма-ленинизма и отечественных и зарубежных мыслителей. Лекции таких профессоров, как В.Ф.Асмус, Т.И.Ойзерман, П.С.Попов, М.Ф.Овсянников, А.Н.Леонтьев, вызывали у нас искренний интерес к тем произведениям, которые анализировались в их лекциях, и в целом к тем

Константин Долгов - профессор, доктор философских наук.

направлениям философии, логики, психологии, которыми они занимались. Все, что они нам рекомендовали для чтения и изучения, мы с удовольствием принимали к сведению и начинали всерьез читать и изучать эту литературу.

Через некоторое время мы стали свидетелями довольно острых и горячих споров между профессорами нашего факультета. Для нас это было неожиданно, поскольку преподаватели излагали содержание классических произведений. И вдруг мы услышали на некоторых лекциях и семинарах, которые проводились на старших курсах, напряженные дискуссии по, казалось бы, незыблемым проблемам и принципиальным положениям марксистской теории.

Прежде всего споры велись вокруг статей и диссертаций молодых ученых Э.В.Ильенкова, и А.А.Зиновьева, а также некоторых других аспирантов и докторантов. Для нас это было своеобразным откровением, поскольку марксизм-ленинизм в те годы представлял собой нечто единое и незыблемое, монолит, основные положения которого не подвергались никаким сомнениям.

Э.В.Ильенкова в основном обвиняли в том, что он сводил содержание марксистско-ленинской философии к теории познания - к гносеологии, а А.А.Зиновьева осуждали за то, что в своей диссертации, посвященной анализу «Капитала» К.Маркса - «Метод восхождения от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К.Маркса)» - он как бы ограничивал учение К.Маркса логической проблематикой. Такие профессора факультета, как В.Ф.Асмус, М.Ф.Овсянников, активно поддерживали молодых ученых в их поисках и в выдвижении новых идей. А другие, напротив, выступали с резкой критикой, по существу, обвиняя диссертантов в ревизионизме и отходе от марксизма-ленинизма.

Нам, студентам, естественно, не все было ясно и понятно как в содержании диссертаций и статей, так и в сути той полемики, которая развернулась вокруг них. Однако это пробуждало у нас все больший интерес к марксистско-ленинской теории в целом и к отдельным произведениям как классиков марксизма, так и исследованиям современных философов.

Александр Александрович Зиновьев

Именно в это время я и мои друзья-сокурсники лично познакомились и с Э.В.Ильенковым, и с А.А.Зиновьевым. Выступления Э.В.Ильенкова вызывали у нас большой интерес потому, что он с какой-то любовью, упорством и настойчивостью, и вместе с тем глубиной, утонченностью и деликатностью, раскрывал сущность человеческого познания вообще и познания отдельного человека в частности. Его выступления слушали, не отрываясь, и как бы поглощая всё, что он говорил. При этом он никому ничего не навязывал, а излагал свои взгляды в форме размышлений с самим собой, что буквально захватывало и завораживало слушателей.

Что касается выступлений А.А.Зиновьева, то они были настолько необычными для всех, кто его слушал - студентов и преподавателей - настолько парадоксальными, а иногда и как бы противоречащими друг другу, что понимать его было трудно, несмотря на огромный интерес к тому, о чем он говорил. Его речь, как правило, была отрывистой, как бы клочкообразной, неза-

конченной, и следить за тем, что он говорил, было невероятно сложно, по крайней мере, для нас, студентов. К тому же он не стеснялся в выражениях. Наряду с философской терминологией, выражавшей глубочайшее содержание, он иногда употреблял дерзкие слова и фразы, которые скорее можно было отнести к какому-то бульварному, уличному языку. Его смелые обобщения иногда как бы переходили всякие границы, у некоторых слушателей они вызывали возмущение, у других - смех и ликование. Во всяком случае слушать его было очень интересно и, как я уже отмечал, непросто.

Знакомство с Э.В.Ильенковым и А.А.Зиновьевым переросло в своеобразную дружбу, после того как я стал аспирантом сектора диалектического материализма Института философии АН СССР, где они уже были научными сотрудниками. Для меня, как и для других аспирантов, сотрудники сектора были непререкаемыми авторитетами не только в области философских наук, но и в целом во всех тех сферах, с которыми мы сталкивались в своих научных поисках.

Естественно, я с огромным удовольствием читал и перечитывал их статьи, публикации и всегда старался выяснять у них сущность тех или иных идей и положений. Я буквально учился у них всему: как говорить, как писать, как рассуждать, как мыслить, и даже как вести себя в научном сообществе. Это была великая школа для меня, аспиранта и молодого ученого.

Я уже писал о том, что после некоторых заседаний сектора мы по приглашению Эвальда Васильевича шли к нему домой и там продолжали наши дискуссии за чашкой чая или кофе или бокалом шампанского. Самое любопытное состояло в том, что дискуссии в основном вели два человека: Ильенков и Зиновьев. Порой они спорили между собой так яростно, что казалось, вот-вот между ними начнется рукопашный бой. Одни из нас поддерживали взгляды Ильенкова, другие - Зиновьева. Интересно, что все это начиналось и завершалось слушанием музыки Р.Вагнера, когда Эвальд Васильевич ставил на патефон пластинки, которые он привез из Германии после окончания войны. Благодаря этому мы все стали

в известном смысле вагнерианцами - настоящими любителями музыки Вагнера. Правда, здесь нельзя не упомянуть, что Зиновьев критиковал это увлечение Вагнером, считая, что есть более великие композиторы.

В отличие от Ильенкова, который был и внешне и внутренне сдержанным, дисциплинированным, подлинным интеллигентом, Зиновьев производил впечатление человека раскованного, иногда даже непредсказуемого, резкого и не всегда деликатного. Приведу только один пример. Когда Институт философии еще располагался на пятом этаже здания на Волхонке, 14, его решили ремонтировать. Все отделы и сектора разместили в большом актовом зале на втором этаже. И однажды мы стали свидетелями не совсем приличного поведения А.Зиновьева, когда он буквально набросился на Бонифатия Михайловича Кедрова со словами: «Мне надоело слушать всякую болтовню о философии, в том числе и Вашу, Бонифатий Михайлович! Всё, что Вы пишете и говорите, это не философия, а болтовня, и я больше не хочу это ни читать, ни слушать!» При этом он не просто говорил, а кричал на весь зал. Конечно, мы были этим потрясены. Находясь рядом, я сказал Зиновьеву: ты что делаешь, как себя ведешь, на кого кричишь? Бонифатий Михайлович попытался его успокоить: «Александр Александрович, что Вы так нервничаете?» Зиновьев посмотрел на меня со злобой и пренебрежением, повернулся и вышел из зала. Подобные, хотя и весьма редкие, но резкие выходки Зиновьева были не в его пользу, но такова, к сожалению, была его натура.

Приведу еще один пример о его необычайно болезненной чувствительности. Когда официальные власти обвинили его в ревизионизме и антисоветской деятельности, лишили званий и наград и приняли решение выслать из страны, я однажды неожиданно встретился с ним у станции метро Академическая. Он буквально схватил меня за руки и начал мне жаловаться на то, как с ним поступила советская власть: «Я прошел войну, я защищал страну, я много лет посвятил изучению марксистско-ленинской философии и стремился ее творчески развивать, я положительно говорил и писал о социализме и коммунизме, хотя вместе с тем

критиковал недостатки социализма в целом как в нашей стране, так и других соцстранах, а меня наказали как самого отъявленного противника и негодяя! За что меня высылают?! За что меня так наказывают?!» Он долго мне жаловался, буквально выкрикивая некоторые слова, и чуть не со слезами на глазах. Все это время он не отпускал мои руки. Тогда я решил немного его успокоить: «Саша, не волнуйся, что ты так переживаешь! Ты выдающийся философ, ученый, логик, тебя знают во многих странах, некоторые твои работы переведены на многие языки. Ну, проживешь какое-то время за рубежом, в Германии, ты известный ученый, тебя будут приглашать преподавать в университетах, будут публиковать твои работы, ты будешь продолжать свою научную деятельность, поэтому не стоит так волноваться и переживать. Пройдет какое-то время, все наладится, ты вернешься в Советский Союз. Успокойся и готовься к отъезду». Зиновьев действительно несколько успокоился, отпустил мои руки, мы еще с ним побеседовали и затем попрощались.

В следующий раз я встретил А.Зиновьева уже в Германии, где проходил очередной философский конгресс. В Дармштадте, на одной из улиц, я услышал знакомый голос: Костя, это ты? Я повернулся и увидел Сашу Зиновьева. Мы обнялись, хотя перед конгрессом нас строго-настрого предупредили, чтобы мы не встречались с нашими соотечественниками-ревизионистами. Я стал расспрашивать Зиновьева, как ему живется в Германии. Он ответил, что поначалу его носили на руках, отовсюду поступали приглашения, везде издавали его работы. Но как только он начал критиковать некоторые порядки в Германии и других западноевропейских странах, его положение резко изменилось: приглашения на выступления стали более редкими, а статьи и книги почти прекратили печатать. Он признался в том, что очень тоскует по родине и хотел бы вернуться, но не знает, как это осуществить. Я пообещал, что расскажу о его желании некоторым влиятельным ученым и чиновникам, а уж как получится - будет видно. Когда я вернулся в гостиницу и рассказал своим коллегам о встрече с Зиновьевым, руководство нашей делегации устроило мне скандал:

«Мы всех предупредили не общаться с нашими бывшими гражданами, антисоветчиками, зачем Вы встречались с Зиновьевым?» Я объяснил, что мы совершенно случайно столкнулись с ним на улице, и я не мог избежать этой встречи, тем более разговор был самый обычный. Но все равно мне устроили головомойку.

Наконец, еще одна встреча - после возвращения А.Зиновьева в СССР. Мне позвонили из Института философии, чтобы я на следующий день пришел на заседание дирекции. Я пришел на эту встречу, но с некоторым опозданием, и застал в кабинете директора института В.С.Степина несколько человек из руководства, в частности, А.А.Гусейнова, а также А.А.Зиновьева. Они вели оживленный разговор о ситуации в нашей стране и, в частности, критиковали существенные недостатки нашего правительства. Зиновьев предлагал заменить это правительство другими людьми, более компетентными и преданными своему народу. Его спросили, кого он хотел бы видеть председателем правительства, на что он ответил: вот сидит Константин Долгов, и я считаю, что он вполне может возглавлять наше правительство, у него есть и знания, и соответствующий опыт руководящей работы. Я тут же обратился к нему: «Саша, ты это в шутку говоришь или всерьез?» Он ответил: «Я говорю это вполне серьезно». Тогда я ему сказал: «Саша, твое предложение несерьезное, потому что избрание нового правительства, и особенно Председателя правительства - это особенно сложная и серьезная проблема, а человек, возглавляющий правительство, должен обладать не только соответствующими интеллектуальными способностями, практическим опытом, но и другими качествами, о которых здесь не место говорить». В конце концов собеседники перешли к другим вопросам, и, когда заседание окончилось, мы с Зиновьевым, уже в коридорах, снова стали беседовать о том, как ему живется после возвращения. Он, конечно, был благодарен за то, что ему дали возможность вернуться, но одновременно и огорчен тем, что проблемы, которые он критиковал, не только не исчезли, но и многократно увеличились.

Впоследствии я много раз с ним встречался, в частности, на одной из книжных выставок-ярмарок, где он подписывал читателям только что вышедшую книгу и был очень доволен, что стояла большая очередь желающих получить его автограф.

Александр Александрович Зиновьев относился к тому поколению, которое непосредственно участвовало в Великой Отечественной войне и одержало победу над очень сильным, хорошо обученным и подготовленным противником. Люди этого поколения знали цену жизни, и поэтому они не теряли зря ни одной минуты. Чем бы они ни занимались, они стремились к тому, чтобы стать настоящими профессионалами и отдавать все свои силы, способности любимому делу, на благо народа. Их учеба в университете удивляла как студентов, так и профессоров. Они не просто слушали лекции, а постоянно задавали преподавателям вопросы, чтобы выяснить то, что им было неясно, и понять обсуждаемые проблемы.

А.А.Зиновьев был исключительно талантливым человеком, его интересовало почти всё: философия, логика, этика, эстетика, психология, математика, физика, биология, химия и т.д., не говоря уже об общественных науках - истории, филологии, литературе - и искусстве и культуре в целом. Неудивительно, что своими многочисленными вопросами он часто вызывал раздражение у читавших лекции профессоров и преподавателей, они упрекали его в том, что он задает вопросы не по теме. Его не все и не всегда понимали, и нередко думали, что он просто «забавляется», чтобы показать себя, свою эрудицию, разнообразие своих интересов. На самом же деле это был искренний человек, который интересовался действительно всеми сферами человеческого знания, и ему всегда хотелось как можно полнее и глубже изучать не только преподаваемые на факультете предметы, но и те области знаний, которых не было в академических программах. Он постоянно писал не только о том, чем занимался непосредственно - логике в самом широком смысле, во всем ее многообразии, но и о том, что он считал необходимым и интересным: политике, литературе, искусстве, социальной про-

блематике и т.д. И это многообразие интересов А.А.Зиновьева далеко не всем было понятно, многие считали его не совсем нормальным, уравновешенным, а каким-то выскочкой, который может в любое время сказать что угодно, о чем угодно и о ком угодно, то есть считали его человеком как бы безответственным. А это был человек-самородок, действительно обладавший необычайными способностями к творчеству. И чем бы он ни занимался, ни увлекался, он вносил свой оригинальный вклад в развитие обширной проблематики, входившей в круг его интересов. Поэтому не случайно, как только он стал заниматься логикой, начиная со своей кандидатской диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)», большинство его работ по логике стали переводиться за рубежом, и очень скоро он стал одним из ведущих логиков нашего времени.

Одновременно он писал работы, связанные с современной политикой как в нашей стране, так и за ее пределами. Разумеется, эти работы носили острый, критический характер, поскольку недостатков в нашей и внутренней, и во внешней политике было более чем достаточно. И Зиновьев, как человек открытый и принципиальный, не приспособливался к существующим условиям и не пресмыкался перед высоким начальством, а оценивал проводимую политику как настоящий ученый - объективно и принципиально, иногда доводя ее логически, мысленно до неизбежного абсурда. И это вызывало недовольство власти, его сочинения стали подвергаться довольно серьезной критике. И его публицистические работы, писал ли он о homo soveticus или о перестройке («катастрофка»), или о зияющих высотах - все эти работы представляли собой, несмотря на публицистическую форму, глубокий анализ состояния современного общества как в Советском Союзе, так и в других странах мира.

И коллеги, и друзья, и все те, кто к нему хорошо относился, советовали ему заниматься только философией, логикой и той сферой, которая представляла тогда общественную науку в целом. Ему советовали не тратить время на литературные и публи-

цистические произведения, а заниматься только наукой, и тогда у него не будет никаких проблем с властью. Однако он как будто не слышал и не хотел слышать подобные советы, и не по причине какого-то своего высокомерия, а потому, что он как бы слушал внутренний голос, голос своего существа, своей природы, которая исключала любой компромисс, любое соглашательство, любые уступки. Это был в высшей степени честный и принципиальный человек и ученый. Он хорошо знал и понимал, что его критика принесет ему огромные неприятности, но ничего не мог поделать: он был рожден для того, чтобы искать и находить истину и правду, следовать по праведному пути, не отступая ни на шаг. Он как бы был осужден свыше на то, чтобы искать, открывать и защищать истину, правду и справедливость. И он следовал зову своей судьбы безоговорочно, понимая, что долго ему заниматься подобным критическим анализом власти не позволят. Однако он шел на это сознательно, всё зная и понимая, и это не только не принижало его, как полагали некоторые его друзья и недруги, а напротив, делало ему честь. Можно сказать так, что огромную роль в этом играло не его честолюбие, как полагали многие, а его любочестие, используя слова святого Паисия.

Я много раз беседовал с А.Зиновьевым, у меня были с ним очень хорошие отношения, когда мы вместе были в секторе диалектического материализма, и я много раз расспрашивал его, почему он так резко реагирует на, казалось бы, незначительные события и факты, почему он нетерпимо относится к некоторым коллегам, хотя ничего сверхъестественного они не делали и не высказывали. Чем объяснить его своеобразную нетерпимость и резкость в оценке как людей, так и произведений? И он мне всегда на это отвечал: любое смягчение, любой компромисс почти всегда ведут к очень серьезным ошибкам, заблуждениям и даже преступлениям. Вот почему я нетерпимо отношусь ко всякого рода соглашательствам, безответственности, разнузданности и тому, что в народе называют: авось, всё образумится. Никогда ничто не образумится, если нет принципиального отношения к недостаткам, заблуждениям и ошибкам.

После этого я не удивлялся, когда читал его статьи и книги, в которых он давал уничтожающую характеристику различным политикам, ученым, деятелям науки, литературы и искусства - я уже знал и понимал позиции Зиновьева. И он действительно не просто оценивал людей по своим симпатиям и антипатиям, как это часто бывает, а напротив, ко всем и ко всему относился объективно и принципиально, как и подобает подлинному ученому и настоящему человеку.

Его стремление к объективности помогало ему преодолевать свои собственные субъективные оценки, не говоря уже об измышлениях многих политологов и публицистов. Это приводило его к более точным и глубоким суждениям, а иногда и пересмотру прежних взглядов на деятельность той или иной исторической личности: «...в молодости я был антисталинистом. Перестал быть антисталинистом уже после смерти Сталина. Но опять-таки подчеркну: хотя я был антисталинистом, я не считал Сталина каким-то злодеем и дураком. Сталин был гений, несмотря ни на что. Я его и до сих пор считаю одним из величайших людей в истории человечества, XX век - это век Ленина и Сталина. Это самые значительные фигуры, самые значительные личности»¹.

«Я ведь войну с первого дня видел, всю ее прошел, я знаю, что и как было. Если бы не Сталин, не сталинское руководство, разгромили бы нас уже в 1941 году. Я вовсе не хочу оправдывать репрессии и прочее. Но надо принимать во внимание исторически сложившиеся обстоятельства!»²

Однако в основном его оценки носили резко критический характер и сохраняют свое значение по сей день. Вот как он оценивал деятельность тех, кто проводил перестройку в нашей стране: «Я думаю, что пройдут какие-то десятки лет, и на Западе все будет опубликовано, вряд ли всю эту работу удержат в секрете. Где и когда стали обрабатывать таких людей, как Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, - все это будет предано гласности, и этим будут гордиться: как разгромили сильнейшую страну с таким мощным социальным строем. Это действительно выдающаяся победа Запада». А.Зиновьев правильно понимал причины разрушения Со-

ветского Союза и советской системы: «...Систему разрушили извне и сверху. Это мой окончательный вывод. Извне - это холодная война, перешедшая в «тёплую» войну, это атака со стороны Запада. Изнутри - это предательство высшего руководства, привилегированной элиты. Система разрушена искусственно. Она не разрушилась сама. Советская система ослабла вследствие кризиса в холодной войне и тысячи других факторов... И подлейшим в истории человечества поведением высшего руководства, привилегированных групп и интеллигенции. Именно они формировали идеологию предательства...»³.

А.Зиновьев понимал, что такие грандиозные социальные потрясения не происходят сами по себе, их делают люди. Он считал, что диссидентское движение было организовано Западом. Это было первой попыткой создания «пятой колонны»... Интеллектуальный и моральный уровень их был невысок. А самых известных борцов против советской системы и довольно активных сторонников западной демократии, при этом действительно талантливых в своих профессиональных сферах людей он оценивал довольно резко. Некоторые его суждения являются просто уничтожающей характеристикой современного вырождающегося, деградирующего мира: «К началу XXI века в основных чертах завершился великий эволюционный перелом в истории человечества. Одним из следствий его явилось возникновение вопиющего несоответствия между масштабами социальных событий и масштабами олицетворяющих их личностей. Если первые колоссально увеличились, то вторые, наоборот, сократились. Произошло измельчение исторических личностей, можно сказать - пигмеизация. На смену историческим гигантам вроде Наполеона, Ленина, Сталина, Гитлера, Мао и др. пришли исторические пигмеи вроде Рейгана, Горбачева, Ельцина, Клинтона, Буша и др. Наполеон потерпел поражение, но все равно останется гигантом, США могут покорить весь мир, а Буш все равно останется пигмеем»⁴.

А.А.Зиновьев был одним из самых значительных мыслителей нашего времени, и наша страна должна гордиться таким великим человеком и выдающимся ученым. Совершенно ясно, что

А.А.Зиновьев внес огромный вклад в развитие не только философии и философских наук, но и всей науки и культуры. Своими трудами он заслужил мировое признание, но, к великому сожалению, не удостоился высоких наград, и даже не был избран членом Российской Академии наук.

Хотя в последнее время об А.А.Зиновьеве было написано немало работ, проводились и проводятся конференции, посвященные его творчеству, я думаю, что со временем признание заслуг этого выдающегося человека и ученого будет только возрастать. Я считаю себя счастливым человеком, что мне удалось общаться с Александром Александровичем Зиновьевым.

Как известно, советская власть после революции преследовала многих ученых и деятелей культуры: кого-то ссылали, сажали в тюрьмы, кого-то расстреливали, а целую плеяду выдающихся ученых, писателей, деятелей культуры насильно отправили за границу на пароходе. И к чести этих замечательных людей следует сказать, что они не только не озлобились против России, а скорее напротив, глубоко сочувствовали трагедии русского народа. И на протяжении многих лет, пока существовала советская власть, они писали об этих страшных, почти апокалиптических событиях с болью в сердце и душе, надеясь, что когда-нибудь Россия снова станет такой, какой она была почти тысячу лет. В отличие от более поздних «борцов за западную демократию», всякого рода диссидентов, они ни одним словом не оскорбили ни Россию, ни народ, а продолжали писать о величии своей родины. Такие выдающиеся писатели и мыслители, как И.А.Ильин, И.С.Шмелев и другие, выражали свою великую любовь и восхищение традициями, душевным складом, сердечностью русских людей, исторически присущей России и русскому народу высокой духовностью. Вот что об этом писал прекрасный русский философ И.А.Ильин: «Русь именуется «Святою» и не потому, что в ней «нет» греха и порока; или что в ней «все» люди - святые...Нет.

Но потому, что в ней живет глубокая, никогда не истощающаяся, а, по греховности людской, и не утоляющаяся жажда праведности,

мечта приблизиться к ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском ее... - и для этого оставить земное и обыденное царство заботы и мелочей, и уйти в богомолье.

И в этой жажде праведности человек прав и свят, при всей своей обыденной греховности»⁵. Речь идет не об идеализации России и русского народа и не о превознесении каких-то качеств, а о глубококом понимании их подлинной духовной и нравственной сути. И это чувство Ильин выразил словами «жажда праведности», несмотря ни на какие, даже подчас весьма существенные недостатки в характере русских людей. Лучшие представители русской эмиграции продолжали верить в будущее своего Отечества, вопреки трагическим обстоятельствам, которые переживала тогда Россия: «И все это не «было» и не «прошло». Это есть и пребудет. Это навеки так»⁶.

Все это я вспомнил в связи с жизнью и творчеством А.А.Зиновьева. Он был и резким критиком недостатков в жизни своей родины и своего народа, но вместе с тем даже после гонений и высылки не сомневался в том, что их будущее будет более гармоничным и человеческим. Выражаясь словами И.А.Ильина, у Зиновьева была «жажда праведности», которая не давала ему покоя и вместе с тем придавала ему силу и уверенность в том, что на русской земле будет построена жизнь, основанная на прекрасных, добрых, человеческих принципах. В его «жажде праведности» сливались в единое целое и поиск истины, и творение добра и красоты, и объединяющая все это бесконечная, безграничная любовь.

Внимательно изучая жизнь и произведения Александра Александровича Зиновьева, я невольно обращал внимание на его мучения и даже страдания, его иногда слишком резкие оценки людей и событий, и вместе с тем на затаенные боль и переживания, сопровождавшие его вещие слова и высказывания. В связи с этим я вспоминал то, что писал И.А.Ильин о творчестве своего друга писателя И.С.Шмелева: «... исповедь обнаженного и раненого сердца, выстрадавающего себе свет и постижение. Страдая сам, Шмелев пишет о страдании чувствительной души, - не сострадая

ей и не прося своих читателей о сострадании, но страдая в тех самых людях, о которых он повествует, или, вернее, которых он показывает. Он цельно и до конца объективируется в своих страдающих героях; он пишет не о них (как почти всегда делает Тургенев), но из них (подобно Достоевскому), растворяясь в этой живой человеческой муке и в этом живом горении духа. Он страдает не за них, а ими, в них и через них - за весь свой народ, за все человечество»⁷. Мне думается, эти слова с полным правом можно отнести и к творчеству выдающегося философа, писателя, публициста, критика, замечательного русского человека - Александра Александровича Зиновьева.

¹<http://zinoviev.info/wps/archives/2555>

²Там же.

³<https://www.youtube.com/watch?v=JT9v2n1y4XM>

⁴Зиновьев Александр Александрович. Русская трагедия. М. 2020, 528 с.

⁵И.А.Ильин. О тьме и просветлении. Мюнхен, 1959. С.183.

⁶Там же. С.179.

⁷Там же. С.164.

ТРИПОЛИТАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Алексей Подцероб

В АВГУСТЕ 1917 ГОДА итальянское командование организовало широкое наступление от Триполи на запад в направлении Зувары. При этом оно стремилось восстановить свой контроль над ливийским побережьем. Но ливийцы оказывали сопротивление. На встрече в Хомсе представители повстанцев потребовали 14 ноября 1918 года от итальянского командования предоставления им независимости¹. На встрече в Массалате собравшиеся руководствовались призывом президента США В.Вильсона признать право на самоопределение, и в ноте, направленной совещанием ему, отмечалось, что «14 пунктов» Вильсона произвело большое впечатление на жителей Триполитании². Их представители 14 ноября 1918 года заявили в ходе переговоров с итальянским командованием, что население «желает взять в свои руки решение своей судьбы, опираясь на принципы, которые провозгласил Вудро Вильсон, президент Соединенных Штатов Америки»³. С другой стороны, принятое обращением Советом народных комиссаров России «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» в переводе на арабский язык получило распространение в Триполи, и эта листовка хранилась в одной триполитанской семье долгие годы⁴. В начале 1918 года из Триполитании в Москву направилась делегация из видных пяти деятелей во главе Мухаммедом Халедом аль-Гаргани. В 1920 году представители Триполитании

Алексей Подцероб - Чрезвычайный и Полномочный Посол России.

приняли участие в съезде народов Востока, состоявшемся в Баку. Оттуда они привезли Манифест к народам Востока, с которым было ознакомлено руководство Триполитанской республики.

На встрече в Массалате обсуждалось то, какую форму государственности признать подходящей для Триполитании. Одни выступили за создание монархии, т. е. за приход к власти сенуситов. За это выступали прибывший из Турции Абд аль-Кадир – паша Ганаи, Ахмед аль-Мурайид, Мухаммед Суф. Другие, антисенустски настроенные, были за республику. На этом наставляли Рамадан ас-Сувейхили, Абд ан-Наби биль-Хейр, Сулейман аль-Баруни, Мухтар Каабар⁵, и они победили. Совещением были избраны Совет Триполитанской республики (правительство), в который вошли Р. ас-Сувейхили, С. аль-Баруни, А. аль-Мурайид, А.Н. биль-Хейр, и советы шуры в составе 24 членов и шариата, состоявший из четырех членов. Вопрос об избрании президента был отложен из-за сложностей, существовавших триполитано-итальянских отношениях. Командование армией располагалось в Завии, а сами вооруженные силы – в Занзуре (15 км от Триполи). В декларации, принятой конгрессом и обращенной к населению, извещалось, что «народ Триполитании наконец-то обладает независимостью, которой он добился кровью своих сыновей, проливаемой в течении семи лет. Народ счастлив достижением этой цели, которая приближает его к тому, чего уже достигли в своем развитии другие народы»⁶. Им было направлено Италии, США, Великобритании и Франции нота с требованием признания республики.

В состав новых органов власти вошли шейхи племен и представители духовенства.

30 сентября 1919 года была основана Партия национальной реформы, почетным председателем которой стал Р. ас-Сувейхили, а председателем А. аль-Мурайид. Программа партии включала в себя защиту прав триполитанцев, ускорение выполнения Основного закона, в особенности в той его части, которая включала в себя подготовки триполитанцев к самоуправлению, осуществление сотрудничества между арабами и итальянцами, развитие образования в стране при сохранении исламских обычаев, содействие

экономическому развитию района и распределение национальных богатств на справедливой основе. Был учрежден печатный орган партии газета «Аль-Лива ат-Тараблуси». Правда, позже, когда Р. ас-Сувейхили предложил созвать конференцию, итальянцы сделали все, чтобы сорвать его созыв.

Численность итальянских войск была доведена до 80 тыс. человек, командование Италии заявило, что оно не признает создание Триполитанской республики и будет продолжать боевые действия. На деле же итальянцы оккупировали лишь прибрежную полосу между Триполи и Завией. Это стало возможным из-за предательства некоторых вождей племен, которые являлись приверженцами Италии. Рим считал, что в сопротивлении триполитанцев виноваты турецкие офицеры. По просьбе итальянского правительства османские власти были вынуждены послать в Триполи Радажаб – пашу, чтобы убедить Триполитанию прекратить сопротивление. Письмо, которое он привез с собою, гласило, что объявляется общая амнистия, а всем, кто хочет покинуть Триполи, могут это сделать беспрепятственно. С другой стороны, заявление командования о продолжении военных действий привело к тому, что ливийские силы начали спланиваться. В течение декабря 1918 года руководителями республик был проведен ряд встреч, но они по-прежнему оставались в своих районах – Р. ас-Сувейхили в Мисурате, С. аль-Баруни в Азизии, А. Н. биль-Хейр в Бени Валиде и А. аль-Мурайид в Тархуне. С учетом складывающейся обстановки Италии ничего другого не оставалось, кроме как пойти на соглашение с новыми руководителями республики о предоставлении ей внутренней автономии. Триполитанцы назначили для переговоров Хади Каабара, Ас-Савеи аль-Хатуни, Мухаммеда Фикини, Али ибн Тантуша, А. аль-Мурайида. Они предъявили итальянцам следующие требования – равноправие арабов и итальянцев перед законом, незыблемость частной собственности, равенство арабов и итальянцев при назначении на должности, активное участие местного населения в управлении⁷. Переговоры возобновились в Хил аз-Зейтуне, длились месяц, но не дали конкретных результатов. Но в конце концов по договору, подписанному 21 апреля 1919 года в Суани Ибн Адаме, Италия признала внутреннюю автономию Триполи-

танской республики и ее конституцию. Более того, Рим принял Основной закон от 1 июля 1919 года, в котором говорилось, что равные гражданские и политические права предоставляются итальянцам и арабам и триполитанцы освобождались от службы в армии. Согласно Основному закону вся полнота власти признавалось за губернатором, назначаемым королем Италии, но в своей деятельности он должен был опираться на Правительственный совет. Более того, итальянцы согласились на оставлении своих гарнизонов всего в трех городах – Триполи, Хомсе и Зувары. Сразу же в Тархуне было созвано совещание, на котором был избран Правительственный совет, среди которых руководящую роль стал играть Р. ас-Сувейхили. Но подогреваемые итальянцами разногласия между берберами и арабами, феодальный сепаратизм и неприязнь одного лидера к другому послужили причиной для Рима отсрочить осуществление Основного закона.

В ходе мирной конференции в Париже итальянцы заявили, что признают Триполитанскую республику. Но другие державы встретили это пассивно. Тем не менее, 1 июня 1919 года итальянский парламент проголосовал за законы, признающие автономию Триполитании. Как писал Тагер аз-Зави, «перед триполитанцами представились возможности, направленные на расширение сферы их общественной и государственной деятельности»⁸. В частности, Р. ас-Сувейхили направил письмо Идрису ас-Сенуси, в котором он призывал покончить с раздорами. Однако Рим сохранял контроль над армией, дипломатией и законодательством. Уступки же со стороны итальянских властей имели временный характер, и они уклонялись от своих обязательств. Соглашение, заключенное с триполитанцами, не было ратифицировано итальянским парламентом. Вся полнота власти оставалась на деле за итальянским губернатором.

В ноябре 1920 года была созвана конференция в Гарьяне, на которой присутствовали вожди всех районов Триполитании, в т. ч. и вожди с оккупированных итальянцами территорий (за исключением вождей берберских племен). На конференции было создано новое правительство – Центральная организация реформ в составе 47 членов. Его председателем стал А. аль-Мурайид, а советниками

А.Р. Аззам и Башир ас-Саадави. Значительным результатом конференции стала ее решение объединить свои усилия с сенуситами. В 1921 году была триполитанцами послана делегация в Рим в составе пяти человек во главе с М. аль-Гаргани для встречи с руководителями Италии. Делегация была принята министром по делам колоний, но ознакомившись с требованием предоставить ей независимость, он прервал контакты. Несмотря на требования коммунистов и социалистов продолжить контакты, с делегацией не были восстановлены связи под тем предлогом, что она не представляет всех триполитанцев. итальянцы, со своей стороны, организовали контр-конгресс для ливийцев, согласных с колонизаторами. Они избрали делегацию во главе с мэром Триполи Хасаном Караманли и направили в Рим, которая была принята на всех уровнях. Делегация Центральной организации реформ, пробыв в Риме около 9 месяцев и не будучи ни кем принята, вернулась в Триполитанию. Триполитанские патриоты стали настаивать на объявление войны Италии. Но на работе органов управления Триполитанской республики стали сказываться разногласия между ее руководителями. С. аль-Баруни неожиданно заявил, что он является членом турецкого парламента и уехал в Стамбул. Р. ас-Сувейхили, опасаясь за свою жизнь, уехал в Мушатт, где находились преданные ему воинские формирования, а затем перебрался в Мисурату. Позже началась война между Р. ас-Сувейхили и А.Н. биль-Хейром, в результате которой Р. ас-Сувейхили был убит в августе 1920 года.

После встречи в Сирте лидеры Триполитании и Киренаики приняли во внимание, что сопротивление итальянцам требует объединения их усилий. В декабре 1921 – январе 1922 годов 7 триполитанских деятелей в Сирте встретились с 5 киренайскими деятелями. На совещании было принято решение об объединении усилий в освободительной борьбе, и была подписано соглашение. Статья 5 соглашения гласила, что обе стороны считают, что интересы совместной борьбы против коварного врага требуют объединения руководства всей страной, и поэтому ставят своей задачей избрание эмира мусульманина, который будет обладать всей религиозной и светской властью в рамках конституции, одобренной народом. В ст. 7 говорилось, что будет

образован учредительный совет для составления Основного закона. Статьи 8-9 были посвящены организации взаимной помощи в случае войн с Италией. В Киренаике представителем Триполитанской республики был назначен Б. ас-Садави, в Триполитании – таким же представителем Киренаики Абд аль-Азиз аль-Исави.

Прежде всего, итальянцы предприняли меры по нейтрализации вооруженных сил республики, и в связи с чем они стали настаивать на их переводах в Триполи, где они были бы разоружены. Им сделать это не удалось, но удалось расколоть армию: отряды сил республики ушли в Массалату, Тархуну и Гарьян. Губернатор Триполитании был заменен военным Д. Вольпи в июле 1921 года. Наступление итальянцев было предпринято при республиканском режиме 26 февраля 1922 года, получившее название Семнадцатидневной войны. Итальянская армия в составе 1,5 тыс. человек, 4 орудий, 34 пулеметов и 18 небольших кораблей стала наступать в направлении Мисураты. В ответ триполитанские патриоты сосредоточили партизанские отряды в окрестностях Триполи, Азизии и Аз-Завии. 9 февраля они перерезали железную дорогу, соединяющую Триполи с Азизией, где находились 10 тыс. итальянских солдат. 19 марта была прервана железнодорожная связь между Триполи и Зуварой, где находился гарнизон в составе 1 тыс. человек. У итальянцев, которые имели 15,5 тыс. воинов и которым противопоставляли отряды, численностью в 4,3 тыс. человек, сложилась критическая ситуация. В конце марта итальянская армия сохранила за собою лишь Триполи, Хомс и Зуару. Но среди триполитанцев вместо того, чтобы воспользоваться преимуществом, начались распри. А.Н. биль-Хейр отказался от борьбы, а другие согласились на предложенные Д.Вольпи переговоры. Племя аз-зинтан столкнулось с берберами. В результате А. аль-Мурайид объявил о прекращении борьбы и начал вместе с Б. ас-Саадави готовить контакты с итальянцами. В ходе переговоров итальянская делегация заявила о том, что она готова обсуждать проблемы, касающиеся Триполитании, и признает ее правительство после расторжения договоренности с Киренаикой. Триполитанцы настаивали на том, что итальянцы признают И. ас-Сенуси эмиром территорий Триполитании и Киренаики

и объединения обеих частей. В конце концов, итальянцы взяли время на размышление. Триполитанская делегация согласилась на это и совершила большую ошибку.

В апреле месяце состоялась встреча представителей Триполитании и шейхов ведущих киренаикских племен для выработки церемонии по принесению присяги И. ас-Сенуси, но дело опять погубили разногласия между ними. Тем не менее, 28 июля 1922 года триполитанскими делегатами была оформлена письменная клятва триполитанцев и киренаикцев на верность И. ас-Сенуси как эмиру Триполитании и Киренаики, и в ноябре месяце триполитанская делегация прибыла в Адждабию. Но И. ас-Сенуси продолжал колебаться. Его колебания объяснилась тем, что принятие этого предложения значило обострение отношений с итальянцами, чего он хотел избежать. Однако его отказ от предложения мог привести к ослаблению позиций И. ас-Сенуси. В конце концов, он согласился 22 ноября с делегацией Триполитании и направил триполитанцам послание, в котором И. ас-Сенуси подчеркивал, что «считает своим долгом пойти навстречу вашей просьбе и возложить на себя бремя великой ответственности за всю нацию»⁹. В 1922 года создались элементы национальной государственности. В обеих провинциях были сформированы правительства и парламенты, осуществлялась координация освободительной борьбы.

В октябре 1922 года в Италии была установлена фашистская диктатура. Дуче партии фашистов и премьер-министр Италии Б. Муссолини приказал подавить сопротивление арабов и установить «новый порядок» в Триполитании и Киренаики. В прокламации от 1 мая 1923 года генерал-губернатор Л.Бонджиованни заявил, что считает аннулированными все договоры и конвенции, заключенные итальянцами с Триполитанией и Киренаикой. Итальянцами были сформированы части из берберов, которых натравили на арабов. Италия использовала также подразделения из эритрейцев.

Триполитанцы обратились к И.ас-Сенуси. Они наделись, что в случае войны с Италией на его поддержку поставками продовольствия и оружием, но связанные с этим расчетом надежды не оправдались. Объявление войны И. ас-Сенуси было невозмож-

ным, поскольку его армия не была боеспособной. Более того, у власти он удерживался не благодаря войскам, а благодаря лавированию с местными политическим лидерам. В декабре 1922 года он выехал сначала в Джагбуб, а затем в Каир, где И. ас-Сенуси пребывал в эмиграции в течение 20 лет.

Дело осложнялось тем, что внутри Триполитанской республики вспыхнули вооруженные конфликты, часто провоцировавшиеся итальянцами. Когда губернатор отказался поставить перед Римом вопрос, будет ли парламент законодательным или совещательным органом, М.Каабар, Ахмед ас-Сувейхили, Омар Будбус и Мухаммед аль-Факих Хасан ушли в отставку из состава Правительственного совета и уехали из Триполи. Вместе с ними покинул город и А.Р.Аззам. Позже итальянцы стали провоцировать столкновения между феодалами. В горах вспыхнул конфликт между Сулейманом аль-Баруни с его противниками. В августе 1920 года в районе Вурфала произошла война между армиями Р. ас-Сувейхили и А.Н. биль-Хейра, и правительству, по существу, распалось. После гибели Р. ас-Сувейхили подчиненные местному правительству Мисурата и окружающие районы отказались признавать нового главу Правительственного совета А. ас-Сувейхили, и конфликт не удалось урегулировать. Произошел раскол и в руководстве республики. В этих условиях было решено произвести в ноябре 1920 года в Гарбие общенациональную конференцию, на которой присутствовали представители всех регионов страны за исключением мэра Триполи С. аль-Баруни. На открытии выступил бывший член правительственного совета А.Р.Аззам, который заявил, что Триполитания сможет добиться полной независимости.

Тем временем вооруженные силы Италии достигли в Триполитании 30 тыс. человек. Итальянцы заняли Ефрен, а в ноябре 1922 года и Гарьян. Ливийцы были вынуждены уходить в горы или пустыню, создавая очаги сопротивления в различных районах. Правительство сумело пробраться в Каср Бу Хади, но среди его членов вновь возникли разногласия, преодолеть которые оно так и не сумело. В конце января 1923 года был захвачен Ксар Хияр, Бу Аркуб и Тархуна. 20 февраля итальянцы овладели Зли-

теном и 26 февраля - Мисуратой. Прибывший в Вади Нафр Сафи ад-Дин пытался с Б. ас-Саадави организовать единый фронт борьбы с итальянцами, развернувшими наступление на Сирт, но им это сделать не удалось. Находившийся в Бени Улиде, А.Н. биль-Хейр сотрудничал с итальянским колонизаторами. Сейф ан-Наср отдал свои войска в распоряжении Б. ас-Саадави, уехал в Сирт, а затем в Аль-Джофр. Арабские племена враждовали друг с другом, не обращая внимания на наступающих итальянцев. В 1923 году Триполитанская республика закончила свое существование. В течение 1923-1924 годов итальянцы заняли основные населенные пункты. Однако сопротивление триполитанцев продолжалось вплоть до 1925 года, а к 1930 году итальянским войскам удалось покорить юг страны.

Тем не менее, Триполитания явилась первым в арабском мире республикой. Она показала, что триполитанцы в состоянии добиться победы, но ее погубило соперничество между лидерами. Триполитанцы доказали, что борьба против колониализма ведется Триполитанией и Киренаикой. Это были первые проявления ливийского национализма. Но единства им достичь не удалось. И мы видим, погружаясь в прошлое и проецируя его на настоящее, что результаты соперничества налицо и в наши дни.

¹[www.sologubskiy.ru/articles/7328/..](http://www.sologubskiy.ru/articles/7328/)

²Аз-Зави ат-Тахир Ахмед. Джихад аль-абталь фи Тараблус аль-гарб, т. 1. Аль-Кахира, 1950, С. 224.

³Прошин Н.И. История Ливии. Конец XIX в. – 1969 г. М., 1975, С. 129.

⁴<https://gordeevandrew.livejournal.com/13054.html>

⁵Прошин Н.И. История Ливии..., С. 130.

⁶<https://gordeevandrew.livejournal.com/13054.html>

⁷Аш-Шити Махмуд. Кадыйа Либия. Аль-Кяхира, М., 1951, С. 85.

⁸www.sologubskiy.ru/articles/7328/

⁹Мамдух Хакки. Либия аль-арабийя кинна тайиш фиха. Аль-Кахрия, М.Б 1962, С. 70.

МИХАЙЛО ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ И АМЕРИКА

К 310-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Александр Савойский

В ПЛОДОТВОРНОЙ и многогранной жизни Михаила Васильевича Ломоносова определённый интерес вызывает период, связанный с Америкой. За годы своего обучения он усвоил дюжину иностранных языков, среди которых был английский. С 1748 по 1751 год Ломоносов являлся редактором Отдела иностранных известий газеты «Санкт-Петербургские ведомости», способствовал регулярному появлению сообщений о странах и континентах, включая информацию об Америке и из Америки. Именно Ломоносову приписывают авторство первого в России географического атласа в 1750 году с историческим описанием американского материка и населения. В его трудах не раз упоминаются «аглинские селения». Рассказывая, в частности, о населении Алеутских островов, он писал: «...зеркала и железные орудия показывают в небольшом отдалении селения людей, у коих сии ремёсла знаемы. Калифорния и селения ишпанские в Мексике суть в немалом отдалении: то думать должно, что оное получают из

*Александр Савойский - директор Центра устойчивого развития
Института экономических стратегий РАН, кандидат политических наук.*

М.В.Ломоносов

аглинских селений в Гудсонском заливе, где Новый Йорк построен»¹. Спустя века нетрудно узнать в трудах русского учёного Гудзонов залив и город Нью-Йорк на побережье Атлантики, место расположения основной международной организации - ООН.

В русскую поэзию Америка тоже вошла, благодаря произведениям Ломоносова, как страна, из которой алчные европейцы вывозят золото. В своём научно-поэтическом «Письме о пользе Стекла» (1752 г.) к государственному деятелю, меценату И.И.Шувалову Ломоносов упоминал и американских индейцев:

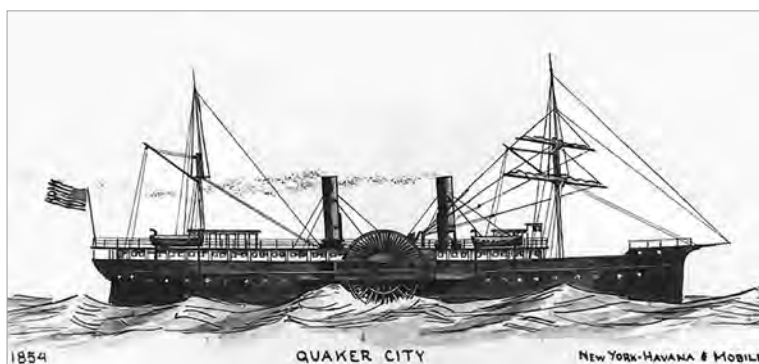
*В Америке живут, мы чаем, простакки,
Что там драгой металл из сребренной реки
Дают европскому купечеству охотно
И бисеру берут количество несчётно².*

ЛОМОНОСОВ И МАРК ТВЕН

«Простакам из Америки», как метко заметил Ломоносов, суждено было ещё раз войти в мировую литературу спустя столетие, благодаря одному из первых американских туристов в России, писателю Марку Твену и его книге «Простаки за границей, или Путь новых паломников» о путешествии на корабле в Европу, включая порт Одесса и Крым летом 1867 года. Марк Твен знал, что Соединённые Штаты имели в лице России своего верного друга в Евразии. Он был безусловно осведомлён, как и все тогда американцы, об отказе императрицы Екатерины II английскому королю Георгу III направить русские корабли и 20 000 казаков к берегам Северной Америки в помощь Британским войскам в подавить американскую революцию независимость в середине 1770-х годов. Также не были секретом неофициальные дипломатические отношения Российской империи с Соединёнными Штатами, но с вовлечением в Лигу нейтральных морских держав (наряду с Россией, Францией, Испанией, Голландией и Данией) против пиратских правил Британской монархии. И конечно же, не скрывались симпатии и покровительство Александра I молодой Американской республике в развитии её морской торговли (это благодаря ему дипломатические отношения с

Марк Твен путешествие в Крым

США были установлены в период президентства Томаса Джефферсона). Первый по-настоящему американский писатель знал и о том, что на заре становления США все паруса на американских кораблях были из русской парусины, якоря и такелаж - из русского железа, и не было в Новой Англии ни одного дома или корабля, при строительстве которых не использовались бы русские гвозди. Русский царь Александр II буквально спас США от разрушений, распада на части и захвата Англией и Францией в годы Гражданской войны между Югом и Севером (1861–1865 гг.), отправив более чем на год две Русские эскадры - Тихоокеанскую и Атлантическую - в защиту американцев и правительства законно избранного Президента Авраама Линкольна.

Посещая Крым летом 1867 года и встречаясь в Ливадийском дворце с Александром II и его окружением, Марк Твен в приветственном слове делегации народной дипломатии, в частности, написал: *«Америка многим обязана России, она является должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годы её великих испытаний...»*. Император, приняв с благодарностью это обращение, в своём ответном слове сказал, что Россию и Соединённые Штаты связывают узы дружбы, и «выразил надежду, что существующие между Россией и США дружественные отношения сохранятся на вечные времена»³. Современным американцам следовало бы чаще обращаться к трудам своих отцов-основателей и основоположников американской литературы.

ЛОМОНОСОВ И ФРАНКЛИН

Об истоках научных связей между Россией и Америкой писали многие исследователи. Видное место среди них занимает отечественный академик Н.Н.Болховитинов. Он говорил о Михаиле Ломоносове и Бенджамине Франклине (1706–1790 гг.) в тот период, когда Соединённые Штаты ещё не существовали на карте мира, а Франклин не был одним из «отцов-основателей» американской нации и дипломатом, а являлся таким же выходцем из народа, как Ломоносов, и учёным, сделавшим себя сам. Но он был уже основателем типографии, ежегодного альманаха, «Пенсильванской газеты», публичной библиотеки и Американского философского общества в Филадельфии, столице штата Пенсильвания.

Интересы Ломоносова и Франклина пересеклись в опытах над электрической природой молнии⁴. При всех достоинствах публикации академика Болховитинова о Франклине и Ломоносове, её недостатком является отсутствие временных границ научных исследований у российских и американских учёных. Так, Франклин и его сподвижники занимались опытами над природными явлениями с 1747 по 1753 год, включительно. Академик Ломоносов начал работать над теорией и опытами раньше, с 1745 года и закончил тоже раньше, в 1752 году⁵.

Франклин также проявлял заинтересованность в контактах с учёными из России, обладал информацией об экспериментах с грозой и молнией и даже о трагическом случае с физиком Рихманом. В своих *«Опытах и наблюдениях...»* Франклину удалось понять сущность электричества, создать громоотвод и статью, по мнению русского мыслителя Радищева, зодчим атмосферного электричества, а Ломоносову - рукоделом в той же науке. *«Ломоносов умел производить электрическую силу, умел отвращать удары грома, ... он действия ее великолепные описал нам слогом чистым и внятным»*⁶. Уже в ноябре 1753 года Ломоносов выступил в Императорской Академии наук с научным докладом на русском языке *«Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих...»*. Он разработал эфирную теорию электрических явлений, соорудил

Бенджамин Франклин

«громовую машину», изложил свои размышления о связи электричества и света, их роли в возникновении Северного сияния, грозы и молнии, что является до сих пор актуальным. В вопросе атмосферного электричества ему удалось отстоять престиж и славу российской науки, поскольку исследования и результаты отечественных учёных отличались от опытов Франклина в Америке⁷.

СЕВЕРНЫЙ ПРОЕКТ ЛОМОНОСОВА

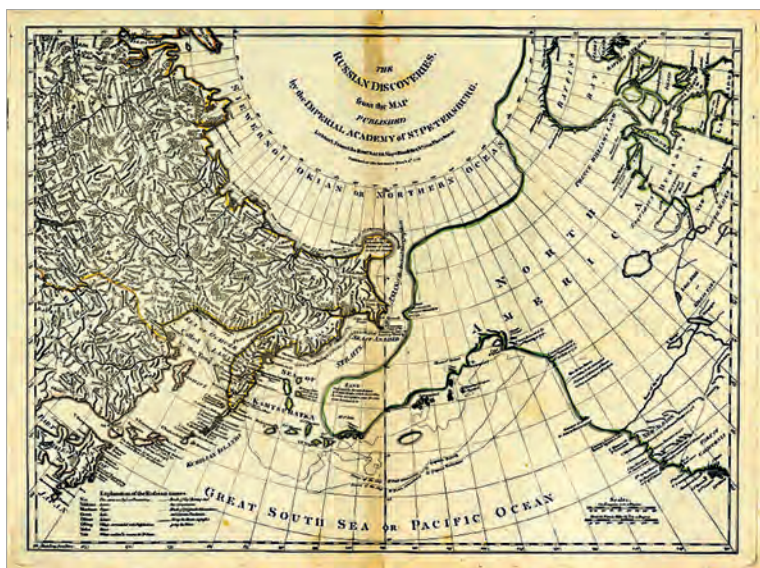
Расширение территорий и развитие России всегда занимало сознание учёного. В своей героической поэме «*Петр Великий*» Ломоносов устами Петра I изложил важные мысли о необходимости поиска Северо-восточного морского пути через Сибирский океан. Пророческие строки поэта навсегда остались в его Песнях:

*Колумбы Россские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отвóрят на восток.
И наша досягнёт в Америку держава*⁸.

Научному предвидению русского гения Ломоносова суждено было воплотиться в жизнь. Отечественными Колумбами в открытии и освоении Русской Америки стали верные сыны Отечества,

его патриоты, первопроходцы земель, морей и океанов: Семён Дежнёв и Федот Попов, Витус Беринг (пролив и море между Азией и Америкой названы его именем), купцы и государственные деятели России Григорий Шелихов, Николай Резанов, Александр Баранов (ими открыта и освоена Аляска или Русская Америка), Иван Кусков (основатель крепости и продовольственно-промысловой базы Форт-Росс в Калифорнии) и другие.

Выступая за северо-восточное мореплавание, академик Ломоносов стал инициатором двух арктических экспедиций из Архангельска к Тихому (Восточному) океану. В сентябре 1763 года он представил в Морскую комиссию Российских флотов проект экспедиции северными морями с проходом в восточную Индию, смело заявив, что Российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным океаном. Ломоносов добился императорского Указа Екатерины II о выделении средств для снаряжения экспедиции, вскоре принял участие в подготовке и отправке экспедиции адмирала В.Я. Чичагова, разработал подробную инструкцию для командующих морских офицеров в будущей экспедиции Северным океаном на восток.

Император Александр II

В феврале 1765 года учёный из США Эзра Стайлс в переписке с Бенджамин-ом Франклином (первый с 1789 г. американский член Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге) «прокомментировал высказанное Ломоносовым научное предположение о существовавшем пути из России в Америку через покрытые льдом моря, то есть через Арктику»⁹.

Интерес Ломоносова к Америке, беседы с мореходами и записи в дневниках об изобилии пушного зверя

в благоприятных климатических условиях на Алеутских островах Тихого океана послужили импульсом к объявлению Екатериной II этих островов российскими владениями с 1766 года и к снаряжению новых правительственных экспедиций¹⁰.

Реализовать Северный проект Ломоносова стало возможным лишь при появлении более совершенных технических средств. Императором всея Руси Александром III и графом Витте была разработана Северная экономическая и военная стратегия, включая строительство Транссиба с выходом к Тихому океану. При Николае II на Балтике спустили первый в мире ледокольный пароход «Ермак», прямо накануне Конференции мира в Гааге, созванной по инициативе России (Нидерланды, 1899 г.). Ещё до начала Первой мировой войны в России уже был создан Арктический флот, а сразу после Октября 1917 года вожь страны Владимир Ильич Ленин отправил Балтийский флот в Ледовый поход. Отечественная дипломатия закрепила за

государством все прилегающие в Арктике морские территории, земли и острова. Советская Россия стала первой в исследовании и освоении Крайнего Севера, в сквозном плавании по Северному морскому пути из Белого моря в Берингово за одну навигацию и в установке Полярных станций в начале 1930-х годов, в обсуждении международных проблем о принадлежности континентальных шельфов после Второй мировой войны, в организации Арктического Совета в 1996 году и в чёткой фиксации Северного полюса флагом России из титанового сплава на дне Ледовитого океана в 2007 году¹¹. Арктическая дипломатия является ныне важным и актуальным видом экономической дипломатии. Указ Президента РФ Владимира Путина от 26 октября 2020 года № 645 представляет собой Стратегию развития Арктической зоны России и обеспечения её национальной безопасности на период до 2035 года.

Северный морской путь (по давнему проекту Ломоносова) - это теперь важный стратегический ареал России, транспортно-экономическая артерия для государства и всех заинтересованных стран мира в недалёком будущем.

Михаил Васильевич Ломоносов вошёл в историю Отечества как видный деятель 1000-летия, всецело посвятивший себя служению науке и России. Его труды опередили время и объединяют народы мира на протяжении нескольких столетий, вызывая широкий интерес в самых различных областях, прославляя российскую науку, у истоков которой он стоял.

Ломоносов стоял также у истоков зарождения отношений между Россией и Америкой, давно ставших индикатором международной жизни и миропорядка. Он заложил основы научной дипломатии, всячески поддерживал международное научное сотрудничество: устанавливал контакты с академиями наук и учёными других стран, являясь академиком Российской Императорской Академии наук (за свои многочисленные научные труды) и Почётным академиком

Императорской Академии художеств (за создание мозаичного искусства) в Санкт-Петербурге, Королевской Шведской Академии в Стокгольме и Болонской Академии наук в Северной Италии.

Ломоносов выступал за обмен научной информацией в виде публикаций, ввёл в практику отправку посылок с научными трудами российских учёных за границу и следил за пополнением библиотеки отечественной Академии наук. Получив университетское образование в Германии, Ломоносов приветствовал обмен студентами, совместные научные исследования, выступал за распространение результатов научных опытов отечественных учёных в мировом научном сообществе и за более широкое использование знаний и опыта иностранных учёных на территории страны.

В привлечении учёных к решению проблем в отношениях между государствами, Ломоносов предвидел основу научных и дипломатических связей и тем самым ставил науку на службу дипломатии. Всей своей жизнью и научной деятельностью он показал потомкам, что наука должна нести с собою мир и красоту в виде научных открытий, изобретений, произведений культуры и искусства и что знание русского и иностранных языков расширяет границы государств, делает доступным достижения разных эпох и цивилизаций.

Ломоносовский проект освоения Севера и Сибири, как и его интерес к Америке, стали научным прогнозированием исторического пути Отечества и основным направлением развития России на века вперёд.

В ноябре этого года - в Год науки и технологий - 2021 - Михайло Васильевичу Ломоносову исполняется 310 лет со дня рождения. Слава, почёт и уважение Ломоносову - великому сыну Архангельской земли Русского Севера, поистине *«универсальному человеку»*, кто заложил основу российским университетам, академику четырёх международных академий! Имя великого учёного внесено теперь во все энциклопедии на планете.

С именем Михаила Ломоносова связаны не только наука и дипломатия в отношении Америки и Европы, но и сама история Оте-

чества с XVIII века по наши дни. Его многочисленные труды - это достояние России и всего мира. Потомки ему за это признательны.

¹Америка в жизни российского энциклопедиста М.В.Ломоносова // В кн.: Савойский А.Г. Россия – США: 200 лет экономической дипломатии (1807–2007): Монография. 2-е изд. с доп. – М. – П.: РИА-КМВ, 2011. С. 24.

²Цит. по: Ломоносов М.В. Письмо о пользе Стекла // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1986. С. 239.

³Савойский А.Г. О позитивном взаимовлиянии России и США в мировой истории // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2013, № 3. С. 41–51; Твен М. Простаки за границей, или Путь новых паломников / Марк Твен. Пер. с англ. Кн. 2, гл. XX. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 637 с.: ил.

⁴У истоков научных связей: Б.Франклин и М.В.Ломоносов // В кн.: Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. – М.: Международные отношения, 1991. – 303 с.

⁵Морозов А.А. Ломоносов / Серия «Жизнь замечательных людей». Вып. 5. – М.: Молодая гвардия, 1961. С. 386 – 408.

⁶Цит. по: Слово о Ломоносове // В кн.: Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. – М.: Эксмо, 2019. С. 45.

⁷Морозов А.А. Ломоносов / Серия «Жизнь замечательных людей». Вып. 5. – М.: Молодая гвардия, 1961. С. 386– 408.

⁸Цит. по: Петр Великий: героическая поэма / [соч.] Михайла Ломоносова. – [Санкт-Петербург: типография Академии наук, 1761]. – 44 с.: ил.; Перед текстом посвящение: «Его высокопревосходительству ... Ивану Ивановичу Шувалову ...»

⁹Цит. по: Америка в жизни российского энциклопедиста М.В.Ломоносова // В кн.: Савойский А.Г. Россия – США: 200 лет экономической дипломатии (1807–2007): Монография. 2-е изд. с доп. – М. – П.: РИА-КМВ, 2011. С. 25.

¹⁰Философия Екатерины II в отношении Америки // В кн.: Савойский А.Г. Россия – США: 200 лет экономической дипломатии (1807–2007): Монография. 2-е изд. с доп. – М. – П.: РИА-КМВ, 2011. С. 30, 61– 62.

¹¹Проблема Арктики в российско-американских отношениях // В кн.: Савойский А.Г. Россия – США: 200 лет экономической дипломатии (1807–2007): Монография. 2-е изд. с доп. – М. – П.: РИА-КМВ, 2011. С. 538–552.

Руководитель проекта:

Главный редактор журнала «Международная жизнь»

А.Г.Оганесян

Ответственный редактор:

Заместитель главного редактора -

ответственный секретарь,

кандидат исторических наук

Е.Б.Пядышева

Выпускающий редактор и дизайн:

И.Н.Знатнова

Технический редактор:

М.С.Тюрина

**Материалы, публикуемые в спецномере журнала «Международная жизнь»
«История без купюр», не обязательно отражают точку зрения редакции**

Адрес редакции: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.

Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71;

E-mail: journal@interaffairs.ru

Отпечатано в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат»

г. Москва, Партийный пер. д. 1, корп. 58, стр.1. эт. 1 пом.1

тел. (495) 374-98-90 e-mail: info@krpol.com

Тираж 1000. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.12.2021.

© Редакция журнала «Международная жизнь». 2021.

WWW.ITERAFFAIRS.RU